

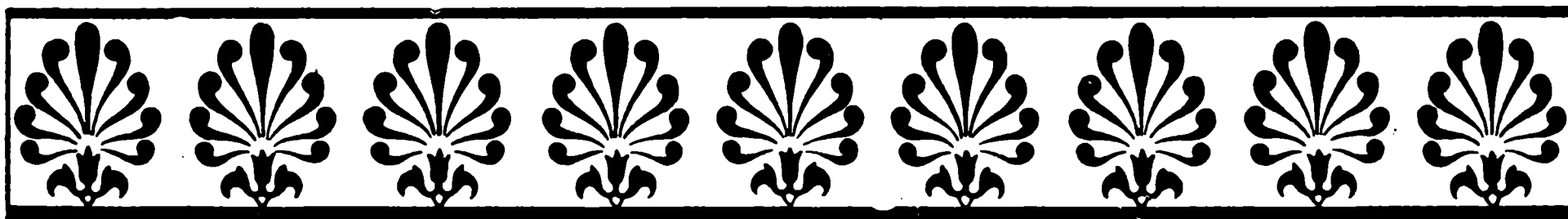

П Р И Л О Ж Е Н И Е

SCRIPTORES
HISTORIAE AUGUSTAE

АВТОРЫ
ЖИЗНЕОПИСАНИЙ
АВГУСТОВ

П Р О Д О Л Ж Е Н И Е

SCRIPTORES HISTORIAE AUGUSTAE

Перевод С. П. Кондратьева

Под ред. А. И. Доватура

Примечания С. П. Кондратьева

Перевод стихов Ф. А. Петровского

XIII. Элий Спартиан

АНТОНИН КАРАКАЛЛ

I. (1) Из двоих сыновей, оставленных Септимием Севером, из которых Антонина¹ провозгласило императором войско, а второго — отец, Гета был обвинен как враг, а Бассиан, как известно, удержал в своих руках императорскую власть. (2) Мы считаем излишним повторять сообщения о его предках, так как обо всем этом достаточно сказано в жизнеописании Севера. (3) В детстве он отличался мягким характером, был остроумен, приветлив с родителями, приятен друзьям своих родителей, любезен народу, мил сенату; все эти качества послужили ему на пользу, привлекая к нему общую любовь. (4) Он не обнаруживал тупости в занятиях наукой, не был склонен скрывать свое расположение, не скупился на щедрые подарки, охотно оказывал милость, но все это было при жизни родителей. (5) Если ему когда-либо приходилось видеть осужденных, отдаваемых на растерзание диким зверям, он плакал или отворачивался; это вызвало особенное расположение к нему со стороны народа. (6) Будучи семилетним мальчиком, он услышал, что товарища его по детским играм жестоко высекли за то, что он исповедовал иудейскую религию, и он долгое время не смотрел ни на своего отца, ни на отца этого мальчика, так как считал их виновниками порки. (7) Благодаря его вмешательству были возвращены старинные права антиохийцам и византийцам, на которых Север гневался за то, что они помогали Нигру. Он возненавидел Плавциана за его жестокость. (8) Подарки, которые он получал от родителей в праздник сигиллярий², он по собственному побуждению раздавал клиентам и своим учителям. Но таким он был в детстве.

II. (1) Когда же он вышел из детских лет, то под влиянием ли советов отца, или по врожденной хитрости, или потому, что считал нужным походить на Александра Великого, царя Македонского, он стал более замкнутым, более важным, даже лицо его стало более угрюмым, так что знавшие его мальчиком не верили, что это тот же самый. (2) Александр Великий и его деяния все время были у него на устах. Он часто восхвалял Тиберия и Суллу. (3) Он был более высокомерен, чем отец; брата своего он презирал за то, что тот держал себя очень просто. (4) После смерти отца он, удалившись в преторианский лагерь, стал жаловаться воинам на то, что он окружен кознями брата, и этим побудил их убить его брата в Палатинском дворце. Тело его он немедленно

¹ При рождении он получил имя Юлия Бассиана. В 196 г. Север дал ему имя Марк Аврелий Антонин (Sev., 10, 3).

² Сигиллярии, как и сатурналии, праздновались от 17 до 23 декабря. Было в обычае в эти дни посылать друг другу наряду с подарками маленькие фигурки (sigilla) из воска или глины, изображавшие богов или сцены домашней жизни.

приказал предать огню. (5) Кроме того, он сказал в лагере, что брат готовился отравить его и относился к матери без должного уважения. Он публично выразил благодарность тем, кто убил его брата. (6) Им он увеличил жалованье, как проявившим большую верность по отношению к нему. (7) Часть воинов в Альбе с величайшим негодованием узнала об убийстве Геты: все они говорили, что они обещали быть верными двоим сыновьям Севера (8) и должны хранить верность двоим. Они заперли ворота и долго не впускали императора; их возбуждение улеглось не только оттого, что он выступил с жалобами на Гету и обвинениями против него, но и благодаря непомерному жалованию, которое, как это всегда бывает, успокоило воинов. Оттуда он возвратился в Рим. (9) Затем он вошел в курию, имея под senatorской одеждой панцырь и сопровождаемый вооруженными воинами. Он поставил их посередине двойным рядом между сидениями сенаторов и после этого произнес свою речь. (10) Он жаловался на козни брата, речь его была путаной и нескладной; во всем он обвинял брата, а себя оправдывал. (11) Все это сенат слушал без всякого удовольствия, — когда он говорил о том, что позволял брату делать что угодно, что освободил брата от козней, а тот, наоборот, готовил против него самые злостные козни и не отвечал взаимностью на его братскую любовь.

III. (1) После этого он позволил вернуться на родину изгнанным и сосланным. Затем он отправился к преторианцам и остался в лагере. (2) На следующий день он направился на Капитолий и любезно беседовал с теми, кого он готовился убить; затем он возвратился в Палатинский дворец, опираясь на Папиниана и Хилона. (3) Когда он после убийства брата увидел мать Геты и других женщин в слезах, то готов был убить и всех этих женщин, но его удержали от этого, чтобы не усиливать слухов о его жестокости, распространившихся после убийства брата. (4) Он заставил умереть Лета, послав ему яд, — а ведь Лет первый подал совет убить Гету — и сам же первым погиб. (5) Сам он очень часто оплакивал смерть Геты. Многих своих сообщников в этом убийстве он казнил, но казнил и того, кто почитал изображение Геты. (6) После этого он велел убить своего двоюродного брата Аффра, которому он еще накануне послал угощение со своего стола. (7) Тот от страха перед убийцами прыгнул вниз и — со сломанной ногой — укрылся у своей жены, но был схвачен и убит среди насмешек. (8) Убил он также внука Марка — Помпеяна, сына дочери Марка и Помпеяна, за которого вышла замуж Луцилла после смерти императора Вера. Он два раза назначал его консулом и ставил командующим во время самых тяжелых войн, какие тогда были; убил он его так, что могло показаться, будто тот погиб от разбойников.

IV. (1) Затем на его глазах воины поразили ударом топора и убили Папиниана, после чего император сказал убийце: «Тебе следовало исполнить мой приказ мечом». (2) По его приказу был убит также перед храмом божественного Пия Патруин, и трупы их протащили по улице, не считаясь с требованиями человечности. Умертвил он и сына Папиниана, который за три дня до этого дал — в качестве квестора — богатые зрелища. (3) В те же дни было убито бесконечное число людей, которые сочувствовали его брату, были убиты даже вольноотпущенники, обслуживавшие Гету. (4) Затем были произведены убийства во всех местах, даже в банях; некоторые были убиты даже за столом, среди них — Саммоник Серен, от которого осталось очень много ученых книг. (5) Хилон, бывший два раза префектом и консулом, подвергся крайней опасности только за то, что советовал братьям жить в согласии. (6) Когда этого Хилона, без senatorской одежды, босого тащили воины римского гарнизона, Антонин усмирил мятеж. (7) Кроме того, он и после произвел по городу много убийств, причем воины повсюду хватали и убивали некоторых людей под видом наказания за мятеж. (8) Гельвия Пертинакса, сменного консула, он убил только за то, что тот был сыном императора. (9) Пользуясь разными случаями, он никогда не переставал убивать тех, которые были друзьями его брата. (10) Часто он с высокомерием поносил сенат, часто поносил он и народ — либо в издаваемых им эдиктах, либо в объявленных его обращениях, заявляя, что он будет вторым Суллой.

V. (1) После этих событий он направился в Галлию; прибыв туда, он немедленно убил нарбонского проконсула. (2) Приведя в смятение всех начальствовавших в Галлии лиц, он навлек на себя ненависть, как тиран, хотя иногда и притворялся миро-

стивым, тогда как по своей природе он был свирепым. (3) Совершив много несправедливостей по отношению к людям и нарушив права городов, он заболел тяжелой болезнью. По отношению к тем, кто за ним ухаживал, он проявил необыкновенную жестокость. (4) Затем, готовясь отправиться на Восток, он прервал свой путь и остался в Дакии. В Реции он убил немало варваров, а своих воинов он ободрял и одаривал так, словно это были воины Суллы. (5) Он запретил давать ему имена богов (как это делалось с Коммодом), когда воины называли его Геркулесом за то, что он убил льва и других диких зверей. (6) Одолев германцев, он назвал себя — в шутку или серьезно (ведь он был глуп и сумасброден) — «Германским», утверждая, что, если бы он победил луканцев, его следовало бы называть «Луканским»³. (7) В то же время были осуждены те, кто мочился там, где стояли статуи или изображения государя⁴, а также те, кто снимал венки с его статуй для того, чтобы положить другие. Были осуждены и те, кто носил на шее средства против четырехдневной и трехдневной лихорадки. (8) Путь по Фракии он совершил вместе с префектом претория, а затем, переправляясь в Азию, он подвергся опасности при кораблекрушении — сломалась мачта, так что он должен был вместе с телохранителями пересечь в челнок. Начальник флота взял его на триеру, и он таким образом спасся. (9) Он очень часто убивал кабанов, даже вышел против льва. В письмах к своим друзьям он особенно хвалился этим и хвастал, что приблизился к доблести Геркулеса.

VI. (1) Занявшись войной с армянами и парфянами, он поставил начальником действовавшей армии человека, нравы которого соответствовали его собственным. (2) Затем он направился в Александрию, собрал народ в гимнасий и выбрал его; после этого он приказал отобрать для военной службы наиболее сильных людей. (3) Тех, кого он отобрал, он велел убить — по примеру Птолемея Евергета, восьмого, носившего это имя. Затем, дав знак воинам убивать своих хозяев, он произвел в Александрии большую резню. (4) После этого, двинувшись через области кадузиев и вавилонян, он вступил в беспорядочное сражение с парфянскими сатрапами, напустив на врагов даже диких зверей. (5) Отправив сенату письмо, словно после победы, он получил прозвание «Парфянского» — прозвание «Германского» он получил еще при жизни отца. (6) Затем, желая вторично начать войну с парфянами, он зимовал в Эдессе, а оттуда прибыл в Карры ради бога Луна. В день своего рождения, то есть за восемь дней до апрельских ид, в праздник Мегалензий, — в то время как он удалился для отправления естественных надобностей, он был убит по злому умыслу префекта претория Макрина, который захватил после него императорскую власть. (7) Соучастниками этого убийства были Немезиан, его брат Аполлинарис и Трикциан, который был на войне начальником второго «Парфянского» легиона и стоял во главе отряда отборных всадников; знали о нем — Марций Агриппа, стоявший во главе флота, и, кроме того, большинство начальствующих лиц, которых вовлек в заговор Марциал.

VII. (1) Он был убит на середине пути между Каррами и Эдессой, когда он сошел с коня, чтобы облегчиться, окруженный своими телохранителями, которые были участниками интриги, имевшей целью лишить его жизни. (2) Его конюший, подсаживая его на коня, поразил его ударом кинжала в бок, и все единогласно заговорили о том, что это сделал Марциал. (3) Так как мы упомянули о боге Луне, то следует знать, что передано о нем мудрейшими людьми и что еще сейчас думают преимущественно жители Карр, а именно: кто считает, что Луну нужно называть женским именем, и причисляет ее к женскому полу, тот всегда покоряется женщинам и является их рабом; (4) тот же, кто верит, что этот бог мужского пола, будет властвовать над женой и не поддастся никаким женским козням. (5) Вследствие этого греки и египтяне, хотя они и говорят о богине Луне, относя ее к тому роду, к какому, говоря о людях, они относят женщину, — все же в своих таинственных учениях называют ее Луном.

³ Игра слов: Germanicus — германский, но germanus — брат (намек на убийство брата). Lucanicus — луканский, но luscipica — особый сорт копченой колбасы.

⁴ Это наказание было установлено Тиберием.

VIII. (1) Я знаю, что многие в своих сочинениях писали о смерти Папиниана, не выясняя причины его убийства, так как разные люди давали разные объяснения. Я же предпочитаю изложить все разнообразные мнения, нежели умолчать об убийстве такого крупного человека. (2) Рассказывают, что Папиниан был самым близким другом императора Севера, а по словам некоторых — его родственником по второй жене. (3) Ему главным образом Север и поручил обоих своих сыновей, и потому он старался поддерживать согласие между братьями Антонинами. (4) Более того, он хотел предотвратить убийство Геты, когда Бассиан начал уже жаловаться на козни брата. Поэтому вместе с теми, кто стоял на стороне Геты, он был убит воинами не только с дозволения, но и по внушению Антонина. (5) Многие говорят, что после убийства брата Бассиан поручил ему оправдать, вместо себя, это преступление в сенате, а затем и перед народом, но Папиниан ответил, что не так легко оправдать братоубийство, как совершить его. (6) Есть и такой рассказ, что он не пожелал составить речь, которая должна была содержать нападки на брата, чтобы представить в лучшем свете действия того, кто убил. Отказываясь, он сказал, что одно дело — совершить братоубийство, а другое — обвинить безвинно убитого. (7) Это, однако, не сообразно с истиной: ведь префект не мог составлять такие речи и совершенно точно известно, что он был убит, как приверженец Геты. (8) Рассказывают еще, что, когда воины тащили Папиниана во дворец, чтобы убить его, он предсказал будущее, говоря, что будет большим глупцом тот, кто, получив назначение на его место, не отомстит за полученную столь жестоким путем должность префекта. (9) Так и случилось: как мы рассказали выше, Макрин убил Антонина. (10) Став в лагере императором вместе со своим сыном, он назвал сына, который носил имя Диадумена, Антонином, потому что для преторианцев был особенно желанным Антонин.

IX. (1) Бассиан прожил сорок три года, пробыл императором шесть лет. Ему были устроены похороны на государственный счет. (2) Он оставил после себя сына, который впоследствии также был назван Марком Антонином Гелиогабалом: имя Антонинов настолько укоренилось в сознании людей, что его нельзя было вырвать — оно, как и имя Августа, полонило все сердца. (3) Бассиан отличался дурными нравами, жестокостью он превосходил своего сурового отца. Он был жаден до еды, питал слабость к вину, был ненавистен своим и ненавидим всеми войсками, кроме преторианцев. Вообще между братьями не было никакого сходства. (4) Он оставил в Риме замечательные бани, носящие его имя. В них помещение в форме подошвы, по признанию архитекторов, имеет неподражаемое устройство. (5) Говорят, что снизу подложены решетки из бронзы или меди, на которых покоится весь свод, а пространство там такое, какое ученые механики считают невозможным. (6) Он оставил и портик, носящий имя его отца, где изображены в картинах все деяния, триумфы и войны последнего. (7) Сам он получил имя Каракалла от названия спускающегося до пят одеяния, которое он раздавал народу. Раньше таких не было. (8) Поэтому и доныне такие каракаллы называются антониновскими; они особенно распространены среди простого народа в Риме. (9) Он устроил новую улицу, которая проходит у его, т. е. Антониновых, терм, красивее которой едва ли можно найти среди римских улиц. (10) Он привез в Рим священнодействия в честь Изиды и повсюду соорудил этой богине великолепные храмы. Священнодействия он совершал даже с большим благоговением, чем они совершались до него. (11) В этой связи мне кажется удивительным, как можно говорить о том, что священнодействия в честь Изиды впервые благодаря ему получили доступ в Рим, тогда как их уже справлял Антонин Коммод, который даже носил Анубиса и участвовал в остановках. Бассиан, пожалуй, увеличил их торжественность, но не ввел их первый. (12) Тело его было похоронено в гробнице Антонинов, так что его останки приняли то место успокоения, которое дало ему свое имя.

X. (1) Важно знать, каким образом он, как говорят, взял себе в жены свою мачеху Юлию. (2) Она была очень красива и как будто случайно обнажила перед ним большую часть своего тела. Антонин сказал: «Я пожелал бы, если бы это было дозволено». На это она, говорят, ответила: «Если угодно, то и дозволено. Разве ты не знаешь, что ты император и предписываешь законы, а не получаешь их?» (3) Когда он услышал это,

его необузданная страсть усилилась и толкнула его на преступление: он справил свадьбу, которую он первый должен был бы запретить, если бы действительно понимал, что он предписывает законы. (4) Ведь он взял в жены свою мать (другим словом ведь ее назвать нельзя) и к братоубийству прибавил кровосмесьительство, сочетавшись браком с той, чьего сына он незадолго до того убил. (5) Не будет неуместным сообщить здесь одно сказанное о нем насмешливое словцо: (6) когда он присвоил себе прозвания Германского, Парфянского, Арабского и Алеманского (племя алеманов он тоже победил), Гельвий Пертинакс, сын императора Пертинакса, говорят, в шутку сказал: «Добавь еще, если угодно, Величайший Гетский», намекая на то, что он убил своего брата Гету и что гетами называются готы, которых он, отправляясь на Восток, победил в беспорядочных сражениях.

ХІ. (1) Было много чудесных примет, предвещавших Гете, что он будет убит; об этом мы расскажем в его жизнеописании. (2) Он окончил свою жизнь раньше брата, но мы соблюли порядок, согласно которому сначала должна быть описана жизнь того, кто раньше родился и раньше стал императором. (3) В то время как — еще при жизни отца — войско провозгласило Бассиана Августом, так как страдавший болезнью ног Север, казалось, не был уже в состоянии управлять государством, Север, говорят, к огорчению воинов и трибунов, носился с мыслью убить и его, но этому воспротивились его префекты, люди почтенные. (4) Другие, наоборот, говорят, что этого хотели префекты, а Септимий не хотел — для того, чтобы его строгость не была заклеимена как жестокость и чтобы, с другой стороны, юношу не постигла за его глупое легкомыслие кара настолько тяжелая, что это имело бы вид убийства сына отцом, тогда как виновниками преступления были воины. (5) Однако, этот жесточайший человек или, чтобы охватить все одним словом, братоубийца и кровосмеситель, враг отца, матери и брата, был — из страха перед воинами, а главное преторианцами — причислен к богам тем самым Макрином, который его убил. (6) Он имеет свой храм, имеет своих салиев, имеет товарищество антониновских жрецов; — он, который отнял у Фаустины и храм, и почести обожествления, — (7) во всяком случае, храм, заложенный некогда ее мужем в честь ее у подножия Тавра; в нем впоследствии сын этого Бассиана, Гелиогабал Антонин, устроил храм себе или Юпитеру Сирийскому, или Солнцу (это остается неясным).

XIV. Элий Спартиан

АНТОНИН ГЕТА

I. (1) Знаю, Константин Август, что многие, как и твоя милость, могут поставить вопрос, почему я описываю жизнь Геты Антонина. Прежде чем начать рассказывать о его жизни и о его убийстве, я изложу, почему отец его Север дал ему имя Антонина. (2) Ведь немного можно рассказать о жизни того, кто был устранен из жизни раньше, чем мог вместе с братом принять императорскую власть. (3) Когда Септимий Север вопрошал богов и просил дать ему указание, кто будет его преемником после его смерти, — он увидел во сне, что ему наследует Антонин. (4) Поэтому он немедленно выступил перед воинами и назвал своего старшего сына Бассиана Марком Аврелием Антонином. (5) Сделав это, он, под влиянием отцовских чувств или, как говорят некоторые, под давлением жены своей Юлии, которая знала о его сновидении, понял, что этим шагом он отрезал путь к власти своему младшему сыну; поэтому он приказал назвать Антонином и Гету, своего младшего сына. (6) Так он всегда называл его в своих дружеских письмах, когда ему приходилось отлучаться из Рима. Он писал: (7) «Передайте мой привет моим сыновьям и преемникам Антонинам». Однако такая предосторожность отца не оказала никакого действия: наследовал отцу только тот, кто первый получил имя Антонина. Вот все, что я хотел сказать об имени «Антонин».

II. (1) Гетой он был назван в честь своего дяди или деда с отцовской стороны, о жизни и нравах которого Марий Максим довольно подробно рассказал в первых семи

главах жизнеописания Севера. (2) Гета был назван Антонином еще и потому, что Север желал, чтобы все последующие императоры, подобно тому как они именуются Августами, именовались также и Антонинами, — из любви к Марку, который, по его словам, был ему отцом¹, чьей философии и литературным занятиям он всегда подражал. (3) Другие утверждают, что Гете было присвоено это имя не столько в честь Марка Антонина, так как ведь это имя «Марк» было дано последнему при усыновлении, сколько в честь того, кто получил прозвание «Пия», то есть, в честь преемника Адриана, — (4) а именно по той причине, что Пий выбрал Севера, бывшего до тех пор обыкновенным адвокатом, в адвокаты императорского казначейства: такое начало — первая ступень почестей, достигнутая им благодаря Антонину, — открыло перед ним путь к великим успехам. (5) Вместе с тем он считал, что никто из императоров не может дать более счастливого имени, чем тот государь, чье собственное имя носили уже четыре государя. (6) О том же Гете, как говорят, Север, познакомившись с его гороскопом — а он, как и многие из африканцев был очень сведущ в астрологии, — сказал: (7) «Мне кажется удивительным, любезнейший Ювенал, что наш Гета будет божественным, хотя в его гороскопе я не вижу ничего императорского», — Ювенал был у него префектом претория. И он не ошибся. (8) Когда Бассиан убил Гету, то, боясь, что братоубийство покроет его позором, как тирана, и услышав, что можно смягчить ужас этого преступления, если провозгласить брата божественным, он, говорят, сказал: «Пусть будет божественным, лишь бы не был живым». (9) Он причислил его к богам, и поэтому народная молва кое-как примирилась с братоубийцей.

III. (1) Гета родился в консульство Севера и Вителлия в Медиолане (хотя некоторые сообщают иначе), за шесть дней до июньских календ, от Юлии, на которой Север женился, узнав, (2) что, согласно ее гороскопу, она будет женой царя, — а он был тогда еще частным человеком, хотя и занимал высокое положение в государстве. Сейчас же по рождении Геты было сообщено, что курица снесла на дворе пурпурного цвета яйцо. (3) Когда его принесли и Бассиан, брат Геты, как маленький мальчик, бросив на землю, разбил его, Юлия, говорят, в шутку сказала: «Ах ты, проклятый убийца, ты погубил своего брата». (4) Эти сказанные в шутку слова поразили Севера глубже, чем кого-либо из присутствовавших; окружавшие его лица лишь впоследствии признали в них данное свыше предсказание. (5) Было также и другое знамение: в имении какого-то Антонина, простого человека, родился — в тот же день и час, что и Гета — ягненок, у которого на лбу была пурпурного цвета шерсть; услышав от гарусника, что после Севера императором будет Антонин, и отнеся это предсказание к себе, этот человек, боясь такого указания судьбы, зарезал ягненка. (6) И этот случай, как выяснилось впоследствии, был предзнаменованием того, что Гета должен погибнуть от руки Антонина. (7) Было и еще знамение, относившееся, как показал ужасный исход дела, к этому преступлению, — и оно сбылось. (8) Когда Север пожелал помолиться в день рождения младенца Геты, то жертвенное животное заклал слуга по имени Антонин. (9) Тогда этого обстоятельства не выясняли и не обратили на него внимания, а впоследствии поняли его смысл.

IV. (1) Гета был красивым юношей с крутым нравом, но не бессовестный; он был скуп, занимался выяснением значения слов, был лакомкой, любил поест и питал страсть к вину с разными приправами. (2) Рассказывают об одном его замечательном поступке в детстве. Когда Север решил истребить приверженцев противной партии и сказал в кругу своих близких: «Я избавлю вас от врагов», а Бассиан вполне согласился с ним и даже сказал, что, если бы отец заботился о нем, то приказал бы убить и их детей, — Гета, говорят, спросил, каково количество тех, кто будет умерщвлен. (3) После того, как отец ответил ему, он спросил еще: «Есть ли у них родители, есть ли близкие?» Когда последовал ответ, что — у очень многих, он, горько заплакав, заметил: «Значит, в государстве будет больше таких, кого опечалит наша победа, чем таких, кого она обрадует»-

¹ Принимаем чтение Клотца (Reinisches Museum f. Philologie, N. J. 78, 1929, стр. 310 сл.): quem patrum suum fuisse dicebat, вместо чтения Холя: <quem patrem> vel fratrem.

(4) И его мнение одержало бы верх, если бы префект Плавциан или Ювенал не настояли бы на противном в надежде на конфискации, благодаря которым они обогатились. Их поддержал и Бассиан, отличавшийся исключительной жестокостью. (5) Так как он спорил и говорил не то в шутку, не то серьезно, что всех приверженцев противной партии надо убить вместе с их детьми, Гета, говорят, сказал ему: «Ты, который никого не щадишь, способен убить и своего брата». Это высказывание тогда прошло незамеченным, а впоследствии было сочтено предзнаменованием.

V. (1) В своих занятиях литературой он выказал себя приверженцем древних писателей и всегда хранил в памяти изречения своего отца. Брат всегда относился к нему с ненавистью, а мать любила его больше, чем брата. Несмотря на легкое заикание, голос у него был певучий. (2) Он питал страсть к щегольской одежде — в такой степени, что отец смеялся над ним; все, что он получал в подарок от родителей, он употреблял на наряды и никому ничего не давал. (3) После Парфянской войны Север, покрытый необыкновенной славой, объявил Бассиана участником своей власти; по словам некоторых, и Гета тогда же был провозглашен Цезарем и Антонином. (4) Он любил задавать грамматикам такого рода вопросы: чтобы они объяснили ему, какие звуки издают те или иные животные, (5) например, — ягнята блеют, поросята хрюкают, голуби воркуют, медведи урчат, львы рычат, леопарды завывают, слоны кричат, лягушки квакают, лошади ржут, ослы режут, быки мычат; при этом он в доказательство ссылался на древних авторов. (6) Особенно любил он книги Серена Саммоника, которые тот посвятил Антонину. (7) У него было еще одно обыкновение: устраивая пиры, и особенно завтраки, он приказывал обученным рабам подавать кушанья, названия которых начинались на одну определенную букву, (8) например: гусь (*anser*), кабанье мясо (*arvina*), утка (*anas*); также — цыпленок (*pullus*), куропатка (*perdix*), павлин (*pavus*), поросенок (*porcellus*), рыба (*piscis*), окорок (*perna*) и все те виды съестного, названия которых начинаются на эту букву; также — фазан (*fasianus*), мучное блюдо (*farrata*), фиги (*figus*) и тому подобное. Поэтому в юношеские годы он считался и забавником.

VI. (1) После убийства Геты часть воинов, которая еще не была подкуплена, с величайшим негодованием узнала об этом братоубийстве, причем все говорили, что они обещали быть верными двоим сыновьям и должны хранить верность двоим. Они заперли ворота и долго не впускали императора. (2) Наконец, только после того, как улеглось возбуждение воинов, — благодаря выступлению Бассиана с жалобами на Гету и раздаче непомерно большого жалования — Бассиан мог вернуться в Рим. (3) После этого были убиты Папиниан и многие другие, старавшиеся поддерживать согласие между братьями или стоявшие на стороне Геты. Людей, принадлежавших к двум высшим условиям, поражали в банях, за столом и на виду у всех, причем сам Папиниан был зарублен топором, так что Бассиан выразил неудовольствие по поводу того, что дело не было сделано мечом. (4) Наконец, дело дошло до мятежа воинов римского гарнизона. Бассиану удалось подавить этот мятеж с большим трудом, после того как он, по словам одних, убил их трибуна, а по словам других — сослал его. (5) Сам он в такой степени боялся за себя, что вошел в курию, имея под тогой с широкой пурпурной полосой панцырь и так давал объяснения о своем образе действий и об убийстве Геты. (6) В то время как претор Фаустин высказывал пожелания счастья Бассиану и называл его «величайший Сарматский» и «величайший Парфянский», Гельвий Пертинакс, сын императора Пертинакса, убитый впоследствии этим Бассианом, говорят, сказал: «добавь — величайший Гетский», вместо — «Готский»². (7) Эти слова глубоко запали в сердце Бассиана, как доказало впоследствии убийство Пертинакса, и не только Пертинакса, но и, как сказано выше, многих других — в разных местах и без всякого основания. (8) Но Гельвия он, кроме того, подозревал в стремлении к тирании, так как он пользовался общей любовью и был сыном императора Пертинакса, — родство вообще опасное для всякого частного человека.

² Как бы напоминая о победе Бассиана над гетами, а в сущности указывая на убийство Геты.

VII. (1) Говорят, похороны Геты были устроены с большей заботливостью, нежели того можно было ожидать, принимая во внимание то, что он был убит своим братом. (2) Он был похоронен в гробнице предков, то есть Севера, которая находится на Аппиевой дороге — с правой стороны, если идти к воротам; она построена в виде септизония, и Север еще при жизни отделал ее для себя. (3) Бассиан хотел убить и мать Геты, свою мачеху, за то, что она горевала о его брате, и женщин, которых по возвращении из курии он нашел плачущими. (4) Вдобавок, Антонин в своей утонченной жестокости дошел до того, что бывал особенно ласков с теми, кого он предназначал к смерти, так что больше боялись его ласки, чем его гнева. (5) Всем казалось удивительным то, что он плакал о смерти Геты всякий раз, как упоминалось его имя, и всякий раз, как он видел его изображение или статую. (6) Вообще Антонин Бассиан отличался такой неустойчивостью настроения, вернее сказать — такой жаждой крови, что убивал то друзей Геты, то его врагов — всех, кто попадался под руку. Вследствие этого еще больше жалели о смерти Геты.

XV. Юлий Капитолин

ОПИЛИЙ МАКРИН

I. (1) Жизнь тех государей, которые — были ли они тиранами или Цезарями — правили недолгое время, покрыта мраком неизвестности, потому что и об их частной жизни нет достойных упоминания известий — ведь, если бы они не домогались императорской власти, о них вообще никто не знал бы, — и об их правлении нет возможности много говорить, так как оно было непродолжительным. Однако мы изложили то, что мы почерпнули от разных историков, по крайней мере то, о чем стоит упомянуть. (2) Ведь нет никого, кто бы в течение своей жизни ежедневно чего-нибудь не делал; однако долг того, кто берется описывать жизнь других, — записать то, что достойно быть предметом знания. (3) Юний Корд задался целью опубликовать жизнеописания малоизвестных императоров, но сделал это не очень удачно. (4) Заявляя, что он не будет пренебрегать никакой мелочью, он все же собрал мало материала, притом это — материал, недостойный упоминания: как будто о Траяне, Пии или Марке необходимо знать, сколько раз они выступали, какие у них были перемены блюд, когда они меняли свою одежду, кого и когда выдвигали на должность. (5) Стремясь охватить все это, он наполнил свои книги баснословными сообщениями, описывая разные пустяки, тогда как о мелочах либо вовсе не следует писать, либо — следует писать очень немногое, если на основании этого можно делать заключения о их нравах, о которых нам действительно следует знать... но лишь частично — для того, чтобы на основании их можно было судить обо всем прочем.

II. (1) Итак, когда был убит Антонин Бассиан, его префект претория, а раньше прокуратор его частного имущества, Опилий Макрин захватил императорскую власть. Это был человек низкого происхождения; как его душевные качества, так и его лицо не внушали уважения. Ненавидимый всеми — и гражданами, и воинами, он называл себя то Севером, то Антонином. (2) Он немедленно двинулся на войну против парфян и тем самым отнял у воинов возможность судить о нем и не дал усилиться неблагоприятным для него слухам. (3) Впрочем, сенат из ненависти к Антонину Бассиану охотно признал его императором, причем сенаторы в один голос говорили: (4) «Кого угодно, только не братоубийцу. Кого угодно, только не кровосмесителя. Кого угодно, только не грязного человека. Кого угодно, только не убийцу сената и народа». (5) Возможно, всем покажется удивительным, почему сын Макрина Диадумен пожелал называться Антонином, хотя Макрин был, как говорят, виновником убийства Антонина.

III. (1) О самом Макрине я расскажу то, что изложено в анналах. Пророчица Небесной богини в Карфагене, которая под наитием божества обычно вещает истину, давала в правление Антонина Пия предсказания о будущем в ответ на обычный вопрос про-

консула относительно положения государства и его собственной власти. Когда дело дошло до государей, она громким голосом приказала сосчитать, сколько раз она назовет имя Антонина. Ко всеобщему удивлению, она восемь раз назвала имя Антонина Августа. (2) Все подумали, что Антонин Пий будет императором восемь лет; однако он пережил указанное число лет, и думавшие так считали бесспорным и тогда, и впоследствии, что пророчица намекала на что-то другое. (3) Если мы сосчитаем всех императоров, носивших имя Антонинов, то получится как раз такое количество Антонинов. (4) Действительно, Пий был первым Антонином, Марк — вторым, Вер — третьим, Коммод — четвертым, пятым — Каракалл, шестым — Гета, седьмым — Диадумен, восьмым Гелиогабал. (5) К числу Антонинов не следует причислять двоих Гордианов, так как они носили только предьямя Антонинов или даже назывались Антониями, а не Антонинами. (6) Поэтому-то и Север назвал себя Антонином, и так же поступили многие другие, как Пертинакс, Юлиан и тот же Макрин. (7) И сами Антонины, бывшие настоящими наследниками Антонина, охотно удерживали это имя в качестве собственного. (8) Так рассказывают одни. Другие же говорят, что Диадумен получил от отца это имя для того, чтобы уничтожить у воинов подозрение в том, что Антонин был убит Макрином. (9) Иные же говорят, что любовь к этому имени была столь велика, что народ и воины не считали императорским то имя, в котором они не слышали имени Антонина.

IV. (1) Когда пришло известие о том, что императором стал Варий Гелиогабал, причем сенат уже назвал Цезарем Александра, то многие в сенате начали отзывать о Макрине так, что становится ясно, что это был человек подлый, грязный, сущая свинья. (2) Вот слова Аврелия Виктора, который имел прозвище «Пиний»: (3) Макрин — человек из дома терпимости, исполнявший рабские обязанности в императорском доме, человек с продажной совестью, ведущий при Коммоде грязную жизнь, отстраненный Севером даже от самых жалких должностей, сосланный в Африку, где он, чтобы скрыть позор своего осуждения, занялся чтением, вел мелкие судебные дела, выступал с речами, наконец — обучал в школе, (4) затем, получив золотое кольцо, он благодаря покровительству своего совольнотпущенника Феста стал при Антонине Вере адвокатом императорского казначейства. (5) Но и эти данные ставятся под сомнение. Иные передают другие сведения, которые мы не обойдем молчанием. Многие говорили, что он выступал в гладиаторских боях и, получив освобождение, отправился в Африку; (6) сначала он был охотником, потом нотариусом, а затем адвокатом императорского казначейства. После этой должности он дошел до самого блестящего положения. (7) Став префектом претория и удалив своего сотоварища, он умертвил своего императора Антонина Каракалла при участии стольких сообщников, что, казалось, император был убит не им. (8) Подкупив его конюшего и пообещав ему огромную награду, он сделал так, что стали говорить, будто император умерщвлен воинами, составившими против него заговор, так как они ненавидели его за братоубийство и кровосмешительство.

V. (1) Макрин немедленно захватил императорскую власть и привлек к соучастию в ней своего сына Диадумена, которого, он, как мы сказали, сразу приказал воинам называть Антонином. (2) Затем он отослал тело Антонина в Рим, чтобы его похоронили в гробнице предков. (3) Своему прежнему сотоварищу — префекту претория он поручил продолжать исполнять свою должность и, прежде всего, с почетом похоронить Антонина, устроив ему царские похороны: он знал, что Антонин был очень любим простым народом за раздачу народу одежд. (4) К этому присоединилось и то, что он опасался волнений в войске, — как бы, в случае если они возникнут, ему не пришлось потерять ту власть, которую он похитил, делая вид, будто он принял ее против своей воли. (5) Таковы уж люди, которые говорят, что их заставили сделать то, что они сами подготовили, не останавливаясь даже перед преступлениями. Опасался он и своего сотоварища по должности, — как бы и у того не явилось желание стать императором; все надеялись на это, так как — в случае признания хотя бы со стороны одного воинского подразделения — он сам не стал бы отказываться, да и все последовали бы за ним с полной готовностью из ненависти к Макрину — либо за его недостойный образ жизни, либо за происхождение из низов, (6) тогда как все прежние императоры были из знати. (7) Макрин присвоил себе, вдобавок, имя Севера, хотя он не состоял ни в каком

родстве с этим императором. Это дало повод к шутке: «Макрин — такой же Север, как Диадумен — Антонин». Для прекращения волнения среди воинов он немедленно выплатил и легионерам, и преторианцам жалование выше обычного, как это и естественно для человека, желающего загладить преступное убийство императора. (8) И, как это обычно бывает, деньги пришли на помощь тому, кто не мог призвать себе на помощь свою невиновность. Таким образом, на некоторое время у власти удержался человек, преисполненный всяких пороков. (9) Затем он отправил сенату письмо по поводу смерти Антонина, называя последнего божественным, оправдывая себя и клятвенно утверждая, что он ничего не знал о его убийстве. Так к своему преступлению он, по обычаю всех испорченных людей, добавил еще ложную клятву, с чего и полагалось начать бесчестному человеку, когда он писал сенату.

VI. (1) Важно знать, каково было то обращение, в котором он оправдывал себя; в чем ясно видно и бесстыдство этого человека и то клятвопреступление, с которого начал бесчестный император. (2) Отрывки из обращения императоров Макрина и Диадумена: «Мы хотели бы, отцы сенаторы, увидеть вашу милость, имея невредимым нашего Антонина и с триумфом возвратившись из похода. Ведь только тогда, при процветании государства, и мы все могли бы быть счастливыми и жили бы под властью того государя, которого дали нам боги на место Антонинов. (3) Но ввиду того, что это не могло сбыться вследствие беспорядков в военной среде, (4) мы прежде всего сообщаем о том, что сделало для нас войско, а затем — это первоочередное дело — назначаем божеские почести тому мужу, которому мы присягали. Войско не сочло никого более достойным быть мстителем за убийство Бассиана, нежели его префекта, которому и сам он поручил бы произвести расправу над участниками интриги, если бы мог обнаружить ее при жизни». (5) И ниже: «Мне передали императорскую власть, охрану которой, отцы сенаторы, я временно взял на себя. Я удержу в своих руках правление, если вам будет угодно то, что было угодно воинам; им я выплатил жалование и отдал все распоряжения, как полагается императору». (6) Также дальше: «Моему сыну Диадумену, которого вы знаете, воины даровали императорскую власть и имя, назвав его Антонином, так что он наделен прежде всего именем, а затем и честью власти. (7) Поэтому мы просим вас, отцы сенаторы, одобрить все это как доброе и благоприятное знамение, — чтобы не было утрачено у вас имя, чрезвычайно вами любимое». (8) И ниже: «Божественные почести Антонину назначили и воины, назначаем и мы; и вас, отцы сенаторы, — мы просим назначить их, хотя — в силу своих императорских прав — мы могли бы предписать вам это. Мы посвящаем ему две конные статуи, две пешие в воинской одежде, еще две сидящие статуи в гражданской одежде, а божественному Северу — две триумфальные статуи. (9) Все это, отцы сенаторы, вы прикажете выполнить в ответ на наше полное благоговения ходатайство за наших предшественников».

VII. (1) По прочтении этого письма в сенате, сенат неожиданно для всех с удовольствием принял извещение о смерти Антонина и в надежде на то, что Опилий Макрин охранит общественную свободу, прежде всего причислил его, человека нового, еще недавно бывшего прокуратором частного имущества императора, к патрициям. (2) Его же, хотя он был только писцом понтифика (их ныне называют младшими понтификами), сенат назначил великим понтификом, присвоив ему имя Пия. (3) По прочтении письма долго продолжалось молчание, так как никто решительно не верил в смерть Антонина. (4) Но после того как стало точно известно, что он убит, сенат напал на него как на тирана. Макрину немедленно предоставили и проконсульскую власть, и трибунские полномочия. (5) Приняв сам имя «Счастливого», он дал своему сыну, который раньше звался Диадуменом, имя Антонина, чтобы отвлечь от себя подозрение в убийстве Антонина. (6) Это имя принял впоследствии также Варий Гелиогабал, который называл себя сыном Бассиана, человек в высшей степени грязный, рожденный от блудницы. (7) Наконец, имеются и стихи какого-то поэта, в которых показано, как имя Антонина, начавшись с Пия и переходя от одного Антонина к другому, постепенно скатилось в грязь: один только Марк придал — благодаря своей образованности — больше величия этому священному имени, Вер унизил его, а Коммод даже запятнал почтенную память святого имени. (8) А что можно сказать об Антонине Каракалле, что об этом человеке?

Наконец, что можно сказать о Гелиогабале, который был последним из Антонинов и провел свою жизнь, как рассказывают, погрязнув в величайших пороках?

VIII. (1) Провозглашенный императором, Макрин, взяв на себя ведение войны против парфян, отправился в поход, стремясь смыть величием победы позор своего происхождения и бесславие своей прежней жизни. (2) Но после столкновения с парфянами он был покинут легионами, которые перешли на сторону Вария Гелиогабала, и убит. Все же он пробыл императором больше года. (3) В этой войне, которую вел уже Антонин, Макрин, оказавшийся слабее Артабана, жестоко мстившего за смерть своих соотечественников, сначала пытался сопротивляться; но потом он отправил послов и просил мира, на который парфянин — после убийства Антонина — охотно согласился. (4) Затем, удалившись в Антиохию и предавшись роскошной жизни, Макрин тем самым дал войску законное основание убить его и перейти на сторону (как думали) сына Бассиана, то есть, Гелиогабала Бассиана Вария, который впоследствии был назван и Бассианом, и Антонином.

IX. (1) Была некая женщина Мёза, или Вария, родом из города Эмисены¹, сестра Юлии, жены африканца Севера Пертинакса. После смерти Антонина Бассиана Макрин высокомерно выгнал ее из дворца, но все же оставил ей все то, что она накопила за долгое время. (2) У нее были две дочери — Симиамира и Мамея; старшая из них имела сына Гелиогабала (он получил имя Бассиана и Антонина). Гелиогабалом финикийцы называют солнце. (3) Благодаря своей красоте и званию жреца Гелиогабал обращал на себя общее внимание и был известен всем посетителям храма, а особенно воинам. (4) Мёза, или Вария, говорила, что Бассиан является сыном Антонина и мало-помалу это стало известно всем воинам. (5) Сама Мёза, вдобавок, была очень богата (поэтому и Гелиогабал очень любил роскошь); своими обещаниями воинам она склонила легионы к отпадению от Макрина. (6) Мёза вместе со своей семьей была впущена ночью в город, и ее внук, наделенный знаками императорской власти, получил имя Антонина.

X. (1) Когда об этом было донесено Макрину, находившемуся в Антиохии, он, удивляясь дерзости этой женщины и вместе с тем презирая ее, послал для осады их префекта Юлиана с легионами. (2) Но как только им показали Антонина, все они, под влиянием необыкновенной любви к нему, перешли на его сторону, убив префекта Юлиана. (3) Затем, присоединив к себе часть войска, Антонин двинулся против Макрина, который сам спешил против него. Произошло сражение, и Макрин был побежден, вследствие измены его воинов и любви их к Антонину. Убегая с небольшим числом спутников и сыном, Макрин был убит вместе с Диадуменом в каком-то вифинском поселке. Голова его была отрублена и принесена Антонину. (4) Кроме того, следует знать, что юный Диадумен был, говорят, только Цезарем, а не Августом — многие ведь передавали, что он разделял власть с отцом на равных правах. (5) Убит был, таким образом, и сын, которому императорский сан не принес ничего, кроме смерти от руки воина. (6) В его жизни не будет ничего, что заслуживало бы рассказа, кроме того, что он был причислен к имени Антонинов, словно побочный сын.

XI. (1) Будучи императором, Макрин держался несколько более сдержанно и строго, надеясь, что этим он сможет заставить забыть все то, что было совершено им раньше, хотя эта его суровость и давала повод к недовольству и насмешкам. (2) Дело в том, что он хотел называться Севером и Пертинаксом: эти два имени казались ему обозначением суровости. Когда же сенат провозгласил его Благочестивым и Счастливым, он принял имя Счастливого, но не пожелал гринять имя Благочестивого. (3) Вследствие этого, по-видимому, на него была написана каким-то греческим поэтом не лишенная остроумия эпиграмма, смысл которой можно по-латыни передать так:

(4) Старый презренный фигляр, жестокий и грубый обманщик,
Жаждет счастливым он быть и нечестивым зараз:

Хоть благочестным не хочет, но быть блаженным он хочет
Разуму наперскор и естеству вопреки.

¹ Ныне — Хемс в Сирии.

Мог бы счастливым он слыть и мог благочестным казаться;
Будет же и нечестив он и несчастен всегда.

(5) Кто-то из римских поэтов поместил эти строки на форуме рядом с выставленными там греческими. Получив их, Макрин, говорят, ответил такими стихами:

(6) Если бы преподнесли судьбины грека-поэта
Вроде такого, каков этот латинский подлец,
То ничего ни народ бы не знал, ни сенат бы, и жулик
Мне б не писал ни один таких мерзких стихов.

(7) Он думал, что этими стихами, которые гораздо хуже тех латинских стихов, он достаточно хорошо ответил. Но он подвергся не меньшим насмешкам, чем тот поэт, которому пришлось переводить греческие стихи на латинский язык.

XII. (1) Макрин был высокомерен и кровожаден; он хотел править по-военному, даже бранил дисциплину прежних времен и превозносил выше всех прочих одного Севера. (2) Он и распинал воинов и подвергал их казням, применяемым к рабам; после солдатских мятежей он казнил чаще всего каждого десятого, а иногда — каждого сотого, и даже самое слово «центезимировать» принадлежит ему, так как он называл себя мягким, когда предавал казни каждого сотого из тех, которые заслуживали того, чтобы казнить каждого десятого или двадцатого из них. (3) Долго было бы рассказывать обо всех его жестокостях; отмечу лишь одну, которой сам он не придавал большого значения, хотя она и превосходила зверства всех тиранов. (4) Узнав от одного из своих тайных агентов о том, что какие-то воины овладели служанкой своих хозяев, которая уже давно потеряла всякий стыд, он велел привести их к себе и допросил, — было ли такое дело. (5) Когда это подтвердилось, он приказал разрезать брюхо у двух живых быков удивительной величины и заключить туда по одному воину так, чтобы головы их торчали наружу, и они могли переговариваться друг с другом. Такому наказанию он подверг их, хотя подобных казней не было установлено ни у предков, ни в его время даже за прелюбодеяние. (6) Однако против парфян, армян и арабов, которых зовут счастливыми, он сражался столь же храбро, сколь и удачно. (7) Трибуна, который решился покинуть свой пост, он велел привязать снизу к крытой повозке и в течение всего пути тащил его живым, еле дышавшим. (8) Он восстановил казнь, применявшуюся Мезенцием, который привязывал живых к мертвецам и таким образом причинял им смерть: они погибали от медленного гниения. (9) Поэтому и в цирке, во время проявления народного расположения к Диадумену, кто-то закричал:

«Юноша дивной красоты,
Отцом ему был не Мезенций»².

(10) Он заключал в стены и замуровывал живых людей. Виновных в прелюбодеянии он всегда сжигал вместе, связав их друг с другом. Рабов, которые бежали от своих господ и были найдены, он назначал биться мечом на играх. Доносчиков, если они не могли привести доказательств, он подвергал смертной казни, если же они приводили доказательства, он отпускал их, дав денежную награду, но с пятном позора.

XIII. (1) Он не был несведущим в праве, так что решил даже отменить рескрипты прежних императоров для того, чтобы суд происходил на основании права, а не рескриптов, говоря, что непозволительно считать законами волеизъявления Коммода, Каракалла и других невежественных людей; ведь Траян никогда на прошения не отвечал письменно — с той целью, чтобы решения, вынесенные в виде милости, не применялись к другим случаям. (2) Он очень щедро раздавал продовольственные пайки, но в высшей степени бережно относился к золоту. (3) Наказывая розгами дворцовых слуг, он проявлял такую бессовестность, непреклонность и суровость, что рабы называли его не Макрином, а Мацеллином³, потому что дом его был обгажен кровью рабов, как какая-ни-

² Энеида, VII, 654.

³ Т. е. мясником, от слова *macellum* — мясной рынок.

будь бойня. (4) Он был очень жаден до еды и вина, иногда — но только в вечерние часы — напивался пьяным. (5) Когда он завтракал даже в домашней обстановке, он был очень воздержан, а во время обеда очень распускался. На свои пиры он приглашал образованных людей для того, чтобы, беседуя с ними о благородных занятиях, поневоле оставаться трезвым.

XIV. (1) Зная о его прежнем ничтожестве и видя его жестокий нрав, люди и особенно воины, помнившие многие его пагубные и даже позорные поступки, не могли примириться с тем, что императором является человек, внушающий к себе отвращение; приняв участие в интриге, они убили его вместе с его сыном Диадуменом, получившим прозвание Антонина, о котором говорили, что Антонином он был только во сне. (2) По этому поводу имеются следующие стихи:

Видели, граждане, мы в сновиденьях как будто и это:
Мальчик тот самый носил Антонинов имя, который
Был порожден продажным отцом, но матерью скромной:
Сотне она блудников отдавалась и сотни искала.
Сам же плешивым он был блудником, а потом и супругом:
Вот он Пий, вот он Марк, а вот Вером он вовсе и не был.

(3) Эти стихи переведены с греческого языка на латинский; по-гречески они очень звучные, а переведены они, мне кажется, каким-то площадным поэтом. (4) Когда это стихотворение дошло до Макрина, он написал ямбы, которые теперь утрачены, а говорят, что они были очень забавны: (5) они погибли во время тех беспорядков, когда сам он был убит, а все его имущество было разграблено войнами.

XV. (1) Смерть его, как мы сказали, была такой: когда войско склонилось на сторону Антонина Гелиогабала, Макрин бежал, был побежден и убит в вифинском пригородном поселке, а его войска частью сдались, частью были перебиты, частью обращены в бегство. (2) Таким образом, Гелиогабал снискал славу, так как казалось, что он отомстил за смерть отца. Затем он пришел к власти, которую он обесславил невероятными пороками, роскошью, постыдным поведением, мотовством, высокомерием, лютостью. Ему выпал на долю такой же конец жизни. (3) Вот что мы узнали о Макрине на основании многих свидетельств, расходящихся между собой в подробностях, как это всегда бывает в истории. (4) Собрав эти сведения из большого числа источников, мы поднесли их твоей светлости, Диоклетиан Август, так как мы видим, что ты с интересом относишься к истории прежних императоров.

XVI. Элий Лампридий

ДИАДУМЕН АНТОНИН

I. (1) В жизни юного Антонина Диадумена, которого вместе с отцом его Опилием Макрином приверженцы Макрина совместно с войском провозгласили после убийства Бассиана императором, нет ничего замечательного, кроме разве того, что он был назван Антонином и что были изумительные знамения, предвещавшие, что власть его будет непродолжительной, как это и сбылось. (2) Лишь только по легионам пронеслась весть о том, что Бассиан убит, невероятная печаль овладела сердцами всех по поводу того, что во главе государства не стоит больше Антонин: считали, что с ним погибнет и Римская империя. (3) Когда об этом дано было знать Макрину, который был уже императором, он испугался, как бы войско не склонилось на сторону кого-нибудь из Антонинов — родственников Антонина Пия было много среди начальников; поэтому он немедленно приказал созвать сходку и назвал тогда своего малолетнего сына Антонином. (4) Речь на сходке: «Вы видите, соратники, что я уже в пожилом возрасте, а Диадумен

еще мальчик. Если боги будут благоволить к нам, вы будете долго иметь его государем. (5) Кроме того, я понимаю, что вы сохраняете необыкновенную любовь к имени Антонина. Поэтому, так как мне — вследствие бренности человеческой природы — жить, по-видимому, осталось недолго, этого мальчика я, по вашему почину, называю Антонином, с тем чтобы он в течение долгого времени представлял для вас Антонина». (6) Раздались возгласы: «Император Макрин, да хранят тебя боги! Антонин Диадумен, да хранят тебя боги! Мы давно уже просили себе живого Антонина! (7) Юпитер всеблагий и величайший, даруй Макрину и Антонину долгую жизнь! Ты знаешь, Юпитер, Макрина победить нельзя! Ты знаешь, Юпитер, Антонина победить нельзя! (8) Антонина имеем — всё имеем! Антонина даровали нам боги! Юный Антонин достоин императорской власти!»

II. (1) Император Макрин сказал: «Итак, соратники, за императорскую власть получайте по три золотых, за имя Антонина — по пяти золотых и обычные повышения, но в удвоенном количестве. Да сделают боги так, чтобы это случалось почаще! Каждое пятилетие мы будем давать то, что мы отсчитали сегодня». (2) После этого сам мальчик-император Диадумен Антонин сказал: «Приношу вам, соратники, благодарность за то, что вы одарили меня и императорской властью и именем, сочтя и меня, и моего отца достойными того, чтобы вы провозгласили нас римскими императорами и поручили нам ведать государством; (3) отец мой позаботится о том, чтобы не оказаться недостойным власти, а я приложу всякое старание к тому, чтобы не оказаться недостойным имени Антонинов. Ведь я знаю, что я получил имя Пия, Марка, Вера; сравняться с ними — дело очень трудное. (4) А затем — в знак признательности за императорскую власть, за имя — я обещаю вам все то, что обещал и отец, и в том же размере, причем почетные награждения будут удвоены, как это обещал присутствующий здесь мой достопочтенный отец Макрин». (5) Греческий писатель Геродиан, обходя молчанием все это, сообщает, что воины провозгласили юного Диадумена только Цезарем и убили его вместе с его отцом. (6) После этой сходки немедленно была отчеканена в Антиохии монета с именем Антонина Диадумена, чеканка же монеты с именем Макрина была отложена до получения приказа от сената. (7) Сенату было отправлено письмо с сообщением об имени Антонина. Поэтому, говорят, и сенат охотно признал эту власть; впрочем, другие думают, что это было сделано из ненависти к Антонину Каракалле. (8) Император Макрин в честь своего сына Антонина уже заранее приготовил в качестве подарка для народа дорожные плащи розового цвета. Они должны были называться антониновскими, подобно тому как плащи Бассиана были каракаллами; Макрин утверждал, что прозвание, которое получит его сын, — Пенулей или Пенуларий — лучше, чем прозвание Каракалл, полученное Бассианом. (9) Он обещал в эдикте и раздачу от имени Антонина, как покажет нам и самый эдикт. (10) Слова эдикта: «я хотел бы, квириты, чтобы мы уже находились среди вас: ваш Антонин произвел бы вам раздачу от своего имени. Кроме того, он составил бы список антониновских мальчиков и антониновских девочек, которые будут распространять славу столь любезного вам имени», и прочее.

III. (1) После всего этого он приказал, чтобы значки и знамена в лагере были антониновскими; он сделал изображения Бассиана из золота и серебра, и в продолжение семи дней совершалось моление за имя Антонина. (2) Мальчик превосходил всех красотой, отличался очень высоким ростом, у него были русые волосы, черные глаза, орлиный нос, подбородок прекрасной формы, уста, созданные для поцелуев; от природы он был крепким, благодаря выучке приобрел лоск. (3) Получив алые и пурпурные одеяния и прочие носимые в лагере знаки императорской власти, он сразу заблистал как небесное светило, своей прелестью привлекая к себе всеобщую любовь. (4) Вот то, что следовало передать о мальчике. Теперь перейдем к знамениям, предвещавшим императорскую власть; они вызывают изумление и в других случаях, а в этом случае особенно.

IV. (1) В тот день, когда он родился, отец его, бывший тогда прокуратором большого казначейства, осматривал пурпурные ткани и приказал перенести те, яркость которых он одобрил, в ту комнату, в которой два часа спустя родился Диадумен. (2)

Далее, младенцы обычно рождаются в природной шапочке, которую повитухи воруют и продают легковверным адвокатам, так как это, говорят, помогает последним в их судебных делах. (3) Но у этого младенца не было шапочки, а была на голове тонкая повязка, но такая крепкая, что ее нельзя было разорвать, так как ее жилки сплелись наподобие лука. (4) Поэтому, говорят, мальчик получил имя Диадемата, а когда он подрос, то был назван по имени своего деда с материнской стороны Диадуменом — имя Диадумена, впрочем, не очень сильно отличается от этого знаменательного имени Диадемата. (5) В имени его отца родилось, как говорят, двенадцать овец пурпурного цвета, из которых только одна была разноцветной. (6) Известно, что в тот день, когда он родился, орел принес ему незаметно маленького царского голубя, положил его к нему спящему в колыбель и улетел, не причинив вреда. На доме его отца свили гнездо вальдшнепы.

V. (1) В первые дни после его рождения астрологи, получив его гороскоп, воскликнули, что он — сын императора и сам император, как будто мать его совершила прелюбодеяние; молва об этом сохранилась. (2) Когда же он гулял по полю, орел унес с него шапку; спутники мальчика подняли крик, а орел, говорят, положил эту шапку прямо на голову императорской статуи так, что она прилась по голове статуи, находившейся на царской усыпальнице, которая была поблизости от имени, где жил тогда его отец. (3) Многие сочли все это знаменательным и похожим на предзнаменование смерти; ясное объяснение принес с собой исход дела. (4) Кроме того, он родился в день рождения Антонина, в тот же час и почти под теми же созвездиями, как и Антонин Пий; поэтому астрологи и сказали, что он будет сыном императора и императором, но недолго. (5) Так как день, в который он родился, был днем рождения Антонина, одна близкая к семье женщина, говорят, воскликнула: «Пусть он называется Антонином!». Однако Макрин испугался, так как никто в его роду не носил этого имени, и не решился дать ему императорское имя — тем более, что уже распространился слух о знаменательности его гороскопа. (6) Многие писали в своих сочинениях о том, что были такие и еще другие знамения; но главным из них было следующее: по сообщениям некоторых, когда Диадумен лежал в колыбели, к колыбели пришел дикий лев, разорвавший свои оковы и бежавший; облизав ребенка, он оставил его невредимым, тогда как кормилица, бросившаяся на льва, погибла от его укуса, — случилось так, что она оказалась одна в том месте, где лежал младенец.

VI. (1) Таково то, что представляется достойным упоминания в жизнеописании Антонина Диадумена. Описание его жизни я соединил бы с рассказом о деяниях его отца, если бы имя Антонинов не побудило меня выпустить отдельно жизнеописание этого мальчика. (2) И действительно, имя Антонинов в те времена было так любимо, что тот, кто не опирался на это имя, не считался заслуживающим императорской власти. (3) По этой же причине некоторые считают, что и Севера, и Пертинакса, и Юлиана следует почтить предименем Антонинов; думают, что на этом основании впоследствии были прозваны Антонинами оба Гордиана, отец и сын. (4) Но одно дело — когда присоединяется предимя, а другое — когда дается главное имя. (5) Подлинным именем Пия было — Антонин, а Пий было его прозвищем. У Марка настоящее имя было — Вериссим, но устранив и отменив его, он принял не предимя, а главное имя — Антонин. (6) Вер носил имя Коммода, отменив которое, он принял не предимя, а главное имя — Антонин. (7) Коммода же Марк назвал Антонином и под этим именем записал его в официальных документах в день его рождения. (8) Достаточно хорошо известно, что Север назвал Каракалла Бассиана Антонином только на тринадцатом году его жизни, может быть, под влиянием виденного им сна, когда он понял, что, согласно предсказанию, его преемником будет Антонин; он сделал это одновременно с присвоением ему императорской власти. (9) Многие утверждают, что Гета не был назван Антонином, но достаточно хорошо известно, что он был назван этим именем на том же основании, как и Бассиан, чтобы наследовать отцу — что не сбылось. (10) После этого и сам Диадумен, как достаточно хорошо известно, был назван Антонином, чтобы заслужить расположение войска, сената и римского народа — ввиду необыкновенной скорби о Бассиане Каракалле.

VII. (1) Имеется письмо Опилия Макрина, отца Диадумена, в котором он гордится не столько тем, что он достиг императорской власти, так как он и без того был вторым лицом в государстве, сколько тем, что он стал отцом носителя имени Антонинов, а славнее последнего в те времена не было ни одного имени, не исключая имен богов. (2) Прежде чем приводить это письмо, мне хочется поместить здесь стихи, направленные против Коммода, который называл себя Геркулесом, — чтобы все поняли, что имя Антонинов было столь славным, что, казалось, рядом с ним неуместно было поставить даже имя богов. (3) Стихи, направленные против Коммода Антонина:

Коммод желаньем объят имя Геракла иметь,
Не хорошо для него имя его — Антонин,
Права не ведает он, чужд он и власти вождя,
Думая, будто ему богом достойнее быть,
Чём государем, свое славное имянося.
Богом ему не бывать, как человек он — ничто.

(4) Эти стихи, сочиненные каким-то греком, были переведены на латинский язык плохим поэтом. Я счел нужным поместить их здесь для того, чтобы все знали, что Антонины стояли у нас выше богов, и именно вследствие любви к трем государям, которой как бы освещались мудрость, доброта и благочестие, в лице Антонина — благочестие, в лице Вера — доброта, в лице Марка — мудрость. (5) Возвращаясь теперь к письму Макрина Опилия: «Опилий Макрин супруге своей Нонии Цельзе. Благо, полученное нами, жена моя, нет возможности оценить. Может быть, ты думаешь, что я говорю об императорской власти, — не так уж велико то, что судьба давала даже недостойным: (6) я стал отцом Антонина, ты — матерью Антонина. О как мы счастливы! О счастливый наш дом. Прекрасная слава власти, которая только теперь стала счастливой! (7) Пусть боги и благая Юнона, которую ты чтить, сделают так, чтобы и он стал отражением достоинств Антонина и чтобы я, являясь отцом Антонина, в глазах всех считался достойным этого».

VIII. (1) Из этого письма явствует, сколько славы, по его мнению, принесло ему то обстоятельство, что сын его был назван Антонином. (2) Однако на четырнадцатом месяце правления Диадумен был убит вместе с отцом — не по своей вине, а вследствие незаконного и сурового образа правления его отца. (3) Впрочем, я нахожу, что и сам он по отношению ко многим проявил несоответствующую его возрасту свирепость, как показывает письмо, посланное им отцу. (4) Некоторые лица навлекли на себя подозрение в том, что они хотят отложиться, и Макрин в отсутствие сына очень сурово наказал их. Когда сын услышал о том, что виновники отложения казнены, а их соумышленники, в числе которых были военный начальник Армении, а также легат Азии и Аравии, отпущены вследствие старинных дружеских отношений, он, говорят, обратился к отцу со следующим письмом (подобное же он послал и матери). Копию его я счел нужным поместить здесь ввиду его исторического интереса: (5) «Отцу Августу сын Август. Мне кажется, отец мой, что ты не проявил достаточного постоянства в своей любви ко мне, сохранив невредимыми соумышленников тех, кто стремился к тирании, — либо надеясь на то, что последние будут относиться к тебе более дружественно, если ты пощадишь этих, либо решив отпустить их вследствие старинных дружеских отношений. (6) Этого не следовало делать, и это не принесет пользы: ведь, прежде всего, тебя не могут любить те, кто уязвлен твоими подозрениями, а затем — гораздо более жестокими недругами являются те, кто, забыв прежних дружеских отношениях, соединились с наиболее враждебными тебе людьми; добавь еще и то, что они до сих пор имеют в своем распоряжении войско.

(7) «Если тебя не влечет великих подвигов слава,
То на Аскания взор, на надежды подростка Иула
Ты обрати, кому власть над Италией, Римской землею
Присуждена»¹

¹ Энеида, IV, 272, 274.

(8) Их следует убить, если ты хочешь жить в безопасности. Ведь по врожденной человеческому роду порочности, не окажется недостатка в других, для кого сохранены живыми эти». (9) Одни приписывают это письмо ему самому, другие — его учителю Целиану, который некогда был ритором в Африке. Из этого письма ясно, каким суровым оказался бы в будущем этот юноша, если бы он остался жив.

IX. (1) Имеется другое его письмо, предназначенное матери, такого содержания: «Наш владыка и Август не любит ни тебя, ни самого себя, если он сохранил живыми своих врагов. Поэтому постарайся добиться того, чтобы Арабиан, Туск и Геллий были привязаны к столбу; иначе, если представится удобный случай, они не пропустят его». (2) По словам Лоллия Урбика в написанной им истории его времени, эти письма, выданные письмоводителем, как говорят, очень повредили этому мальчику в глазах воинов. (3) Именно, когда они убили отца, некоторые хотели сохранить жизнь мальчику, но явился спальник и прочитал эти письма воинам на сходке. (4) После того как их обоих убили и носили их головы на пиках, войско склонилось на сторону Марка Аврелия Антонина ради столь дорогого имени. (5) Он считался сыном Бассиана Каракалла. Сам он был жрецом храма Гелиогабала. Был он самым грязным из всех людей, и, по воле какого-то рока, принес бесчестье Римской империи. (6) Но о нем, так как сведений имеется много, я расскажу в своем месте.

XVII. Элий Лампридий

АНТОНИН ГЕЛИОГАБАЛ

I. (1) Я никогда не стал бы описывать жизнь Гелиогабала Антонина, который назывался также Варием (пусть бы никто не знал, что он был римским государем), если бы раньше это же государство не имело Калигул, Неронов и Вителлиев. (2) Но так как одна и та же земля производит ядовитые травы и хлеб, а также другие полезные растения, одна и та же земля порождает змей и домашних животных, то прилежный читатель вознаградит себя, когда в противовес этим чудовищным тиранам будет читать об Августе, Траяне, Веспасиане, Адриане, Пии, Тите и Марке. (3) Вместе с тем он поймет и суждение о них римлян, так как эти последние императоры правили долго и умерли естественной смертью, а те были убиты, трупы их волокли по улицам, к тому же — они были прозваны тиранами, и даже имена их неприятно произносить. (4) Итак, после убийства Макрина и его сына Диадумена, который, разделяя с отцом императорскую власть, получил, кроме того, имя Антонина, императорское достоинство было перенесено на Вария Гелиогабала, благодаря тому, что он считался сыном Бассиана. (5) Был он жрецом Гелиогабала, или Юпитера, или Солнца и присвоил себе имя Антонина либо для того, чтобы доказать такое именно свое происхождение, либо потому, что, как он узнал, имя это было в такой степени дорого всем племенам, что благодаря этому имени был любим даже братоубийца Бассиан. (6) Прежде он назывался Варием, а затем Гелиогабалом, потому что был жрецом бога Гелиогабала, которого он привез с собой из Сирии и которому он воздвиг в Риме храм на том месте, где раньше был храм Орка. (7) Наконец, получив императорскую власть, он был назван Антонином и был последним в Римской империи, носившим это имя.

II. (1) Этот Гелиогабал был в такой степени послушен своей матери Симиамире, что во всех государственных делах руководился ее волей, а она жила во дворце наподобие блудницы и делала всевозможные мерзости; она находилась в позорной связи с Антонином Каракаллом, и таким образом, как обычно считали, был зачат этот Варий, или Гелиогабал. (2) Некоторые говорят, что и самое имя Варий¹ было дано ему школьными товарищами по той причине, что, рожденный от блудницы, он, по-видимому, был зачат от семени разных отцов. (3) Когда считавшийся его отцом Антонин был

¹ Латинское слово *varius* — значит «различный».

убит приверженцами Макрина, сам он, говорят, бежал в храм Гелиогабала, как в убежище, боясь, как бы его не умертвил Макрин, который вместе со своим сыном, распущенным и жестоким, очень сурово проявлял свою власть. (4) Но довольно говорить о его имени, хотя он так осквернил священное имя Антонинов, которое ты, святейший Константин, чтить так высоко, что сделал золотые изображения Марка и Пия и поставил их среди Константинов и Клавдиев, как твоих предков, приобщая себя к доблестям древних, которые находятся в соответствии с твоими правами, близки тебе и дороги.

III. (1) Но возвратимся к Антонину Варию. Достигнув императорской власти, он отправил вестников в Рим. Все сословия, даже весь народ был воодушевлен именем Антонина, которое было у него не только титулом, как у Диадумена, но, казалось, переданным ему в силу кровного родства, так как он писал о себе, что он — Антонин, сын Бассиана; у всех явилось страстное желание поскорее увидеть его. (2) Шла о нем, кроме того, и молва — такая, какая обычно сопровождает новых правителей, которые сменили тиранов; однако она держится недолго, если они не обладают величайшими достоинствами, и многие посредственные государи быстро ее потеряли. (3) Наконец, когда в сенате было прочтено письмо Гелиогабала, тотчас же раздались возгласы с пожеланием счастья Антонину и проклятиями Макрину и его сыну. Антонин был провозглашен государем, все желали его и ревностно верили в него, как это всегда бывает с пожеланиями людей, готовых сразу поверить вследствие того, что свои пожелания они принимают за действительность. (4) Но как только Гелиогабал вступил в Рим (мы оставим в стороне все то, что делалось в провинциях), он освятил Гелиогабала на Палатинском холме, возле императорского дворца, и построил ему храм. Он стремился перенести в этот храм и лепное изображение Матери богов, и огонь Весты, и Палладий, и священные щиты, словом — все, что глубоко чтят римляне. Он добивался того, чтобы в Риме почитался только один бог Гелиогабал. (5) Кроме того, он говорил, что сюда надо перенести религиозные обряды иудеев и самаритян, а равно и христианские богослужения для того, чтобы жречество Гелиогабала держало в своих руках тайны всех культов.

IV. (1) Затем, на первое же заседание сената он велел вызвать свою мать. (2) Прибыв туда, она была приглашена к сидениям консулов и присутствовала при редактировании, т. е. была свидетельницей составления сенатского постановления: Гелиогабал был единственным из императоров, при котором женщина вступила в сенат со званием светлейшей, словно мужчина. (3) На Квиринальском холме он создал сенакул, то есть женский сенат; прежде там происходили собрания матрон, но только в торжественные дни и в тех случаях, когда какая-нибудь матрона наделялась знаками отличия супруги консула, — прежние императоры предоставляли это право своим родственницам, особенно тем, чьи мужья не занимали высоких должностей, — для того, чтобы эти родственницы не оставались на положении незнатных женщин. (4) Под председательством Симмиамы составлялись смехотворные сенатские постановления, касающиеся законов о матронах: в каком одеянии должна ходить та или иная, кто кому — уступить дорогу, кто к кому подходить для поцелуя, какая должна ездить в парадной повозке, какая — на коне, какая — на вьючной лошади, какая — на осле, какая — в крытой повозке, запряженной мулами, какая — на волах, какая должна передвигаться в сидячих носилках — и в кожаных ли или в костяных, выложенных слоновой костью или серебром, какая имеет право носить на обуви золото или драгоценные камни.

V. (1) Когда он проводил зиму в Никомедии, занимаясь всяким грязным развратом, отдаваясь мужчинам и ведя себя по-свински, воины сразу раскаялись в том, что они сделали, — именно в том, что они составили заговор против Макрина с целью поставить государем этого Гелиогабала. Они стали склоняться на сторону двоюродного брата Гелиогабала — Александра, которого после убийства Макрина сенат провозгласил Цезарем. (2) В самом деле, кто способен терпеть государя, у которого все полости тела служат для похоти, если даже зверя такого никто не потерпит? (3) Наконец, и в Риме у него было только одно занятие: он имел при себе рассыльных,

которые разыскивали для него людей с большими половыми органами и приводили их к нему во дворец для того, чтобы он мог насладиться связью с ними. (4) Кроме того, у себя во дворце он разыгрывал пьесу о Парисе, сам исполняя роль Венеры, причем одежды его внезапно падали к его ногам, а сам он, обнаженный, держа одну руку у сосков груди, другой прикрывая срамные части тела, опускался на колена, выставляя свой зад, выдвигая его и подставляя своему любовнику. (5) Кроме того, он раскрашивал себе лицо так, как рисуют Венеру; все тело было у него вылощено. Он видел главный смысл жизни в том, чтобы быть достойным и способным удовлетворять похоть возможно большего числа людей.

VI. (1) Он продавал почетные должности, звания и полномочия как самолично, так и через своих рабов и служителей своего разврата. (2) Он набирал людей в сенат, не считаясь с их возрастом, цензом, происхождением, а лишь за полученные от них деньги. Он продавал также военные командные посты — места трибунов, легатов, военных начальников, также — прокураторства и места в дворцовых ведомствах. (3) Возницы Протоген и Кордий сначала были его товарищами в состязании на колесницах, а затем — спутниками всей его жизни и участниками его действий. (4) Многих, чьи тела ему понравились, он переводил со сцены, из цирка и с арены во дворец. (5) Гие-рокла он так любил, что целовал его в пах (даже говорить об этом стыдно), уверяя, что этим он совершает священнодействия в честь Флоры. Он позволил себе обесчестить деву-весталку. (6) Унеся внутреннее хранилище, он надругался над святынями римского народа. (7) Он хотел погасить вечный огонь. Он хотел уничтожить не только римскую религию, но и другие религии на всем земном круге; он стремился к единой цели — чтобы повсюду поклонялись богу Гелиогабалу. Оскверненный всякой нравственной грязью, он вместе с теми, кто его осквернял, ворвался в святая святых Весты, куда имеют доступ только девы-весталки и понтифики. (8) Он попытался унести священное внутреннее хранилище; схватив глиняный сосуд, который он считал подлинным (старшая дева-весталка умышленно указала ему на него, как на подлинный), и не найдя в нем ничего, он бросил его на землю и разбил на куски. Этим, однако, он не нанес никакого вреда религии, так как, говорят, было сделано много похожих один на другой сосудов, для того, чтобы никто не мог когда-либо унести настоящий. (9) Все же он унес какую-то статую, которую он принял за Палладий и, связав ее золотыми цепями, поставил ее в храме своего бога.

VII. (1) Он принял затем посвящение в таинства Матери богов и совершил тавро-болии, чтобы отнять ее лепное изображение и другие святыни, которые хранятся внутри святилища. (2) Он тряс головой среди кастрированных изуверов, подвязывал свои половые органы и делал все, что обычно делают галлы. Похищенную святыню богини он перенес во внутреннее хранилище своего бога. (3) Жалобными криками и воем сирийского культа он изображал из себя Саламбо, тем самым давая себе знамение, грозившей ему гибели. (4) Всех богов он называл служителями своего бога: одних он называл его спальниками, других — рабами, третьих — обслуживающими те или иные его нужды. (5) Он хотел доставить камни, называемые божественными, из их собственного храма, а изображение Дианы Лаодикейской из ее святого святых, куда поставил его Орест. (6) Говорят, что Орест поставил не одно изображение Дианы и не в одном только месте, но много и во многих местах. (7) Очистившись, на основании ответа оракула, у Трех рек близ Гебра, он основал также город Оресту, который непременно должен часто окропляться человеческой кровью. (8) Городу Оресте Адриан — в то время, как он начал страдать безумием — приказал дать свое имя: ему было сказано, чтобы он присвоил себе дом или имя какого-нибудь безумца. (9) И с того времени его безумие, говорят, стало ослабевать, а до этого он в состоянии безумия велел убить многих сенаторов. (10) Антонин, спасши их, заслужил имя Пия, так как он впоследствии привел в сенат тех, кого все считали убитыми по приказу государя.

VIII. (1) Гелиогабал приносил и человеческие жертвы, выбирая для этого по всей Италии знатных и красивых мальчиков, у которых были живы отец и мать, — думаю для того, чтобы усилить скорбь обоих родителей. (2) При нем находились и ежедневно

действовали всякого рода маги, а он подбодрял их и благодарил богов, которые, по его представлениям, были их друзьями, и в то же время он рассматривал внутренности детей и мучил жертвенных животных согласно с обрядами своего племени. (3) Вступив в должность консула, он бросил народу на расхищение не деньги, не серебряные и золотые монеты, не лакомства, не мелких животных, а откормленных быков, верблюдов, ослов, оленей, повторяя, что это — по-императорски. (4) Он жестоко преследовал память Макрина, но гораздо более — Диадумена за то, что тот получил имя Антонина, называя его Лжеантонином, подобно тому, как был Лжефилипп, а также за то, что тот, как говорили, был сначала крайне распущенным, а потом стал человеком очень храбрым, превосходным, очень серьезным и очень строгим. (5) Гелиогабал заставил некоторых писателей рассказывать ужасные, вернее — бесчестные подробности об образе жизни и распущенности Диадумена, например в описании его жизни... (6) Он устроил общественные бани в здании дворца и открыл для народа бани Плавциана, чтобы благодаря этому иметь возможность набирать для своих утех людей с большими половыми органами. (7) С той же целью он тщательно заботился о том, чтобы по всему городу и среди матросов разыскивали онобелов: так называли тех, кто казался более мужественным.

IX. (1) Когда он хотел начать войну против маркоманнов, ввиду того, что Антонин блистательно сокрушил их, кто-то сказал, будто Антонин Марк при содействии халдеев и магов достиг того, что маркоманны навсегда стали преданными друзьями римского народа, и что это было сделано при помощи заклинаний и посвящения. Когда он стал доискиваться, что это за посвящение и где оно, от него это скрыли. (2) Было совершенно ясно, что он доискивается, где это посвящение, с целью уничтожить его в надежде вызвать войну. Он желал этого тем более, что он слышал, будто был дан ответ оракула: война с маркоманнами должна быть окончена Антонином, — хотя в действительности он назывался Варием, и Гелиогабалом, и общим посмешищем, имя же Антонина, которое он захватил себе, он только позорил. (3) Его недоброжелателями были главным образом те, которые скорбели о том, что он предпочитает им — для всякого рода развратных действий — людей с большими половыми органами и с большими возможностями. Отсюда и зародилась мысль убить его. Так было во дворце.

X. (1) Со своей стороны, воины не могли больше переносить, что такая язва прикрывается именем императора: они стали вести об этом речи сначала наедине между собой, а затем и в кружках, все более склоняясь на сторону Александра, которого сенат к тому времени уже провозгласил Цезарем и который был двоюродным братом Антонина по матери: Вария была их общей бабкой, почему Гелиогабал и назывался Варием. (2) Зотик имел при нем такое значение, что все начальники дворцовых ведомств смотрели на него как на мужа их господина. (3) Это был, вдобавок, тот самый Зотик, который, злоупотребляя такого рода близостью, торговал словами и поступками Гелиогабала, накапливая огромные богатства преимущественно тем, что морочил людей: одним он угрожал, другим давал обещания, всех обманывал. Выходя от Гелиогабала, он подходил к отдельным лицам со словами: «О тебе я говорил то-то, о тебе я слышал то-то, с тобой будет то-то». (4) Он был из тех людей, которые, вступив в чрезмерно близкие отношения с государями, торгуют репутацией не только дурных, но и хороших государей, и, пользуясь глупостью или простодушием императоров, не замечающих этого, кормятся распространением позорящих слухов. (5) Гелиогабал справил свой брак с Зотиком и совокупился с ним, причем была у него и посаженная мать, и он кричал: «Разрезай, Магир», — и все это в то время, когда Зотик был болен. (6) Затем он самым бесстыдным образом спрашивал философов и очень почетных людей, испытывали ли они в юности то, что испытывает сейчас он; (7) он не только никогда не избегал непристойных выражений, но и изображал пальцами бесстыдные действия и не проявлял никакого стыда в обществе, даже когда его слышал народ.

XI. (1) Он делал вольноотпущенников наместниками, легатами, консулами, военными начальниками и опозорил все великие звания, давая их подлым и развращенным

людям. (2) Пригласив на праздник сбора винограда знатных друзей, он, сидя у корзины с виноградом, стал спрашивать наиболее почтенных людей, охотники ли они до утех Венеры, и когда старики краснели, он восклицал: «Краснеет: все в порядке!»² — молчание и краску стыда он принимал за утвердительный ответ. (3) Затем он стал рассказывать о том, что он сам проделывал, без всяких покровов стыдливости. (4) Видя, что старики краснеют и молчат, так как им — ввиду их возраста или высокого положения — претили подобные разговоры, он обратился к молодым людям и стал спрашивать их обо всем. (5) Слыша от них ответы, соответствовавшие их возрасту, он начал радоваться и говорить, что это и есть подлинно свободный праздник винограда, который он таким образом справляет. (6) Многие рассказывают, что он первый ввел обычай, чтобы на празднике сбора винограда рабы в присутствии господ, произносили множество шуток о своих господах; сам он сочинял эти шутки, по большей части по-гречески. Многие из них приводит Марий Максим в жизнеописании Гелиогабала. (7) Были у него непотребные друзья — в чisle их и старики, и с виду философы; нося на головах сетки, они признавались, что предаются непотребствам и имеют мужей. По словам некоторых, они это выдумывали, чтобы — благодаря подражанию порокам — стать милее ему.

XII. (1) Префектом претория он назначил плясуна, который выступал в качестве актера³ в Риме; префектом охраны он сделал возницу Кордия; префектом продовольственного снабжения он поставил цирюльника⁴ Клавдия. (2) На прочие почетные должности он выдвигал тех, кто заслужил его благосклонность благодаря огромным размерам своих срамных органов: ведать сбором двадцатой части наследств он велел погонщику мулов, велел и скороходу, велел и повару, и слесарю. (3) Посещая лагерь или курию, он привозил с собой свою бабушку по имени Варию, о которой сказано выше, — чтобы благодаря ее авторитету стать в глазах людей достойным уважения человеком, так как сам по себе он быть им не мог. До него, о чем мы уже говорили, ни одна женщина не входила в сенат, не приглашалась присутствовать при редактировании постановлений и не высказывала своего мнения. (4) На пирах он помещал рядом с собой чаще всего продажных мужчин, находя особенное удовольствие в том, чтобы прикасаться и прижиматься к ним; из их рук он главным образом и принимал кубок, когда пил.

XIII. (1) Среди этих непотребств своей бесстыдной жизни он приказал удалить от себя Александра, которого он усыновил, говоря, что раскаивается в этом усыновлении, и поручил передать сенату, чтобы у Александра было отнято имя Цезаря. (2) Однако, когда в сенате было сообщено об этом, воцарилось глубокое молчание. Действительно, Александр был очень хорошим юношей, что впоследствии было доказано его правлением; своему приемному отцу он не нравился тем, что не был бесстыдником. (3) По словам некоторых, он был двоюродным братом Гелиогабала; он был любим войсками, мил сенату и сословию всадников. (4) Однако Гелиогабал в своей ярости не остановился перед попыткой осуществить свое подлое желание: он даже подослал к нему убийцу. Произошло это следующим образом. (5) Сам Гелиогабал удалился в сады древней Надежды и будто бы произносил там обеты, направленные против невинного юноши, оставив в Палатинском дворце мать, бабушку и своего двоюродного брата; между тем он приказал убить этого превосходного, столь необходимого для государства юношу. (6) И войскам он отправил письмо, в котором требовал, чтобы они отняли у Александра имя Цезаря. (7) Он послал также в лагерь людей, чтобы они замазали глиной надписи на статуях Александра, как это обыкновенно делается по отношению к тиранам. (8) Он послал людей и к дядькам Александра и при-

² В парижской рукописи 5816 рукою Петрарки отмечено: «Это из Теренция „Братья“ 643».

³ Т. е. Валерия Комазона Эвтихиана, см. PIR, III, стр. 355, № 42.

⁴ tonsorem — конъектура Сомэза и Петера; cursorem — скорохода — конъектура Иордана; censorem — цензора — рукописи.

казал последним, обещая им награды и почести, умертвить его каким угодно образом — в бане, ядом или мечом.

XIV. (1) Ничего не могут сделать бесчестные против невинных. Никакой силой нельзя было побудить кого-либо совершить такое преступление: то оружие, которое он готовил для других, обратилось скорее против него, и он был убит теми самыми людьми, которых он натравливал на других. (2) Как только были замазаны глиной надписи, все воины вспыхнули гневом; часть их устремляется в Палатинский дворец, часть в сады, где находился Варий, чтобы отомстить за Александра, а этого грязного человека, человека с душой братоубийцы, убрать, наконец, из государства. (3) Придя в Палатинский дворец, они затем увели с собой в лагерь Александра с матерью и бабушкой, чтобы тщательным образом охранять их. (4) За ними последовала пешком и Симмиамира, мать Гелиогабала, беспокоясь за своего сына. (5) Оттуда пошли в сады; там они застают Вария за приготовлениями к состязанию возниц, — и вместе с тем он с нетерпением ждал, когда же, наконец, к нему придет известие об убийстве его двоюродного брата. (6) Испуганный внезапным шумом, который производили воины, он спрятался в углу и укрылся за спальным занавесом, висевшим при входе в спальню. (7) Одного из своих префектов он послал в лагерь успокоить воинов, другого — умиловать тех, которые уже пришли в сады. (8) Итак, один из префектов — Антиохиан, напомнив о присяге, умолил воинов не убивать Гелиогабала — пришло их немного, большинство же осталось при знамени, которое охранял трибун Аристомах. Вот что происходило в садах.

XV. (1) В лагере же воины в ответ на мольбы префекта сказали, что они пощадят Гелиогабала, если он удалит от себя грязных людей, возниц и актеров и исправится; особенно же, если он прогонит тех, кто, ко всеобщей скорби, оказывал на него наибольшее влияние и торговал всеми его поступками, с помощью ли пустых обещаний или без обмана. (2) Словом, от него были удалены Гиерокл, Кордий, Мирисм и двое негодных близких к нему людей, которые делали этого глупого человека еще более глупым. (3) Кроме того, воины дали поручение префектам не позволять Гелиогабалу жить дальше так, как он жил, также — охранять Александра и оберегать его от всякого насилия, а вместе с тем — заботиться о том, чтобы Цезарь не виделся ни с кем из друзей Августа и не мог в чем-либо подражать их позорному поведению. (4) Но Гелиогабал неотступно просил вернуть ему Гиерокла, этого бесстыднейшего человека, и каждый день строил козни против Цезаря. (5) Несмотря на то, что оба они были тогда назначены в консулы, он не пожелал в январские календы появиться вместе со своим двоюродным братом. (6) Наконец, когда бабушка и мать сказали ему, что воины грозятся погубить его, если не увидят согласия между двоюродными братьями, он, надев претексту, в шестом часу дня явился в сенат, причем пригласил туда свою бабушку и проводил ее до кресла. (7) Затем он не пожелал отправиться на Капитолий для произнесения обетов и выполнения торжественных обрядов; все это было совершено городским претором, как будто в городе не было консулов.

XVI. (1) Он не откладывал убийства своего двоюродного брата. Боясь, как бы сенат — в случае убийства им своего двоюродного брата — не склонился на сторону кого-либо другого, Гелиогабал внезапно приказал сенату удалиться из Рима. Даже те, у кого не было повозки или рабов, получили приказ выехать немедленно, так что одних несли носильщики, а других везли первые попавшиеся нанятые животные. (2) Позвав центуриона, Гелиогабал, пользуясь при этом мягкими выражениями, приказал ему убить консуляра Сабина, которому посвятил свои книги Ульпиан, — за то, что он остался в городе. (3) Однако центурион, немного тугой на ухо, решил, что ему приказывают выгнать его из Рима. Так он и сделал: недостаток центуриона послужил спасением для Сабина. (4) Гелиогабал удалил и знатока права Ульпиана, как хорошего человека, и ритора Сильвина, которого он назначил учителем Цезаря. Сильвин был убит, Ульпиан же спасся. (5) Но воины, и главным образом преторианцы, — потому ли, что они знали, какую беду готовит Александру Гелиогабал, или потому, что они понимали, как он их возненавидел за их любовь к Александру — сговорились между собой и составили заговор с целью освободить государство. Прежде всего были умерщ-

влены различными способами соучастники его разврата: одних убили, отрубив им необходимые для жизни органы, другим пронзили нижнюю часть тела, чтобы их смерть соответствовала образу их жизни.

XVII. (1) После этого бросились на Гелиогабала и убили его в отхожем месте, куда он бежал. Затем на виду у всех тащили его труп. Воины — в виде последнего надругательства — хотели кинуть его труп в клоаку. (2) Но так как оказалось, что эта клоака не могла вместить его, они сбросили его с Эмилиева моста в Тибр, привязав к нему груз, чтобы он не всплыл на поверхность и никогда не мог быть похоронен. (3) Но прежде чем бросить труп в Тибр, его протащили по всему пространству цирка. (4) Его имя, то есть имя Антонина, за которое он так упорно держался, желая считаться сыном Антонина, было, по приказу сената, отовсюду соскоблено и осталось имя Вария Гелиогабала. (5) После смерти его называли Тиберином, Проташенным, Грязным и многими другими именами — в зависимости от того, какое случившееся при нем событие хотели отметить. (6) Он — единственный из государей, чей труп тащили по улицам, кинули в клоаку и сбросили в Тибр. (7) Этот позор выпал на его долю вследствие общей ненависти, которой особенно должны остерегаться императоры, так как те, кто не заслуживают любви сената, народа и воинов, не заслуживают даже погребения. (8) Не имеется никаких общественных сооружений, которые были бы созданы им, кроме храма бога Гелиогабала, которого одни называют Солнцем, а другие — Юпитером; был восстановлен после пожара амфитеатр, и достроена баня на Сульпициевой улице, которую начал строить Антонин, сын Севера. (9) Баню открыл Антонин Каракалл, он и мылся в ней, и пускал туда народ, но не было еще портиков, которые были впоследствии построены этим подложным Антонином и закончены Александром.

XVIII. (1) Гелиогабал был последним из Антонинов, хотя многие полагают, что это прозвание носили после него Гордианы. Они, однако, назывались Антониями, а не Антонинами. Его образ жизни, нравы и порочность навлекли на него такую ненависть, что сенат уничтожил даже его имя. (2) Я и сам не стал бы называть его Антонином, если бы не требования исследования, часто заставляющие приводить даже те имена, которые были отменены. Убита была с ним и его мать Симиамира, порочнейшая женщина, вполне достойная своего сына. (3) После Антонина Гелиогабала, прежде всего, были приняты меры, чтобы никогда больше женщина не вступала в сенат, причем голова того, по чьей вине это случилось бы, была посвящена и обречена подземным богам. (4) В описаниях его жизни сообщается много непристойного. Ввиду того, что все это недостойно упоминания, я решил сообщить только о том, что касается его любви к роскоши; кое-что относится к тому времени, когда он был частным человеком, кое-что другое он, как передают, делал уже в бытность свою императором. Сам он, будучи частным человеком, говорил, что подражает Апицию, а будучи императором — Нерону, Отону и Вителлию.

XIX. (1) Он — первый из частных людей — стал покрывать ложа золотыми покрывалами, так как тогда это было уже позволительно на основании авторитетного разрешения Антонина Марка, который продал с аукциона всю пышную императорскую обстановку. (2) Затем, он устраивал пиры с сервировкой различных цветов, — сегодня, например, зеленого, на другой день — бледно-зеленого, на третий — голубого и так далее, в течение лета каждый день меняя цвет. (3) Он первый завел серебряные самоварящие сосуды, первый — и серебряные котлы. Были у него и сосуды по сто фунтов весом, серебряные, с резными украшениями; некоторые из них были обезображены имевшимися на них сладострастными изображениями. (4) Он первый придумал приправлять вино душистой смолой или полеем и все то, что до сих пор сохраняется в быту роскошно живущих людей. (5) Вино, приправленное розами, которое было известно уже раньше, он сделал еще более благовонным, добавляя к нему растертые сосновые шишки. В сущности, о такого рода напитках до Гелиогабала мы нигде не читали. (6) Смысл жизни состоял для него в придумывании каких-нибудь новых наслаждений. Он первый стал делать студень из рыб, устриц обыкновенных и с гладкими раковинами, а также из других такого рода раковин, из лангуст, крабов и скилл.

(7) Он устилал розами столовые, и ложа, и портики и гулял по ним; также — всякого рода цветами: лилиями, фиалками, гиацинтами, нарциссами. (8) Он купался в водоемах только в том случае, если туда были влиты ценные душистые мази или эссенция шафрана. (9) Он не соглашался возлечь на ложе, если оно не было покрыто заячьим мехом или пухом куропаток, который находится у них под крыльями; подушки он часто менял.

XX. (1) По отношению к сенаторам он проявлял иногда такое презрение, что называл их одетыми в тогу рабами; римский народ он называл годным только для обработки земли, а всадническое сословие ни во что не ставил. (2) Городского префекта он часто после обеда звал на попойку, приглашая на нее и префектов претория. Если они отказывались пить, то начальники дворцовых ведомств принуждали их. (3) Он хотел поставить в отдельных районах города Рима отдельных городских префектов, так чтобы их было в Риме четырнадцать; и он сделал бы это, проживи он дольше, причем он намеревался выдвинуть людей самых порочных и самой низкой профессии. (4) У него были — как для столовых, так и для спален — ложа, сделанные из массивного серебра. (5) В подражание Апицию он часто ел пятки верблюдов, гребни, срезанные у живых петухов, языки павлинов и соловьев, так как считалось, что тот, кто их ест, не поддается моровой язве. (6) Его дворцовой охране подавали огромные миски, наполненные внутренностями краснобородок, мозгами фламинго, яйцами куропаток, мозгами дроздов и головами попугаев, фазанов и павлинов. (7) И что особенно удивительно, он велел подавать полными блюдами и тарелками столько бород краснобородок, что они заменяли кресс, мелиссу, маринованные бобы и пажитник.

XXI. (1) Собак он кормил гусиными печенками. Были у него любимые прирученные львы и леопарды. Их, обученных укротителями, он неожиданно приказывал уложить за второй и третий стол, чтобы позабавиться страхом гостей, так как никто не знал, что звери — ручные. (2) Он сыпал в ясли своим коням грозди анамейского винограда; попугаями и фазанами он кормил львов и других животных. (3) У него в продолжение десяти дней подавали вымя дикой свиньи с ее маткой — по тридцати штук ежедневно, горох с золотыми шариками, чечевицу с кошачьими глазами, бобы с янтарем, рис с белым жемчугом. (4) Кроме того, жемчугом, вместо перца, он сыпал рыб и трюфеля. (5) В своих столовых с раздвижными потолками он засыпал своих прихлебателей таким количеством фиалок и цветов, что некоторые, не будучи в силах выбраться наверх, задохнувшись, выпускали дух. (6) Он подмешивал в водоемы и ванны вино, приправленное розами и полынью, и приглашал пить простой народ; и сам он вместе с народом пил столько, что, видя, сколько он один выпил, можно было понять, что он пил из бассейна. (7) В качестве застольных подарков он давал гостям евнухов, давал четверки коней, лошадей с попонами, мулов, закрытые носилки, дорожные повозки; давал он и по тысяче золотых, и по сотне фунтов серебра.

XXII. (1) Жребии на пирах были у него написаны на ложках таким образом, что одному выпадало десять верблюдов, а другому десять мух; одному — десять фунтов золота, а другому — десять фунтов свинца; одному — десять страусов, а другому — десять куриных яиц. Он делал это так, что, действительно, получались жребии, которыми испытывалась судьба. (2) Он проделывал это и на своих играх, так что в жребиях были и десять медведей, и десять сонь, и десять стеблей латука, и десять фунтов золота. (3) Он первый ввел обычай такого рода жребиев, какие мы видим и теперь. Участвовать в таких жеребьевках он, действительно, приглашал и актеров, причем в числе выигрышей были и дохлые собаки, и фунт говядины, и тут же сто золотых, и тысяча серебряных, и сто мешков меди и тому подобное. (4) Все это народ принимал с такой охотой, что потом поздравляли друг друга с таким императором.

XXIII. (1) Передают, что он дал в цирке зрелище морского сражения в каналах, наполненных вином; что он окроплял плащи зрителей эссенцией дикого винограда; что он гнал на Ватикане четыре четверки слонов, разрушив стоявшие на пути гробницы; что он запрягал по четыре верблюда в колесницу, когда устраивал в цирке зрели-

ще не для всех. (2) Говорят, он — с помощью жрецов племени марсов — собрал змей и еще до рассвета, когда народ обычно собирается на многолюдные игры, он внезапно выпустил их, так что много народу погибло от укусов и было задавлено во время бегства. (3) Он носил тунику — всю в золоте, носил и пурпурную, носил и персидскую — всю в драгоценных камнях, причем говорил, что он отягчен бременем наслаждения. (4) Он носил на обуви драгоценные камни, притом резные. Это вызывало общий смех: разве можно было видеть резьбу знаменитых мастеров на драгоценных камнях, приделанных к обуви? (5) Он любил надевать и диадему, украшенную драгоценными камнями, для того, чтобы от этого становиться красивее и больше походить на женщину; носил он ее и дома. (6) Говорят, он обещал своим гостям феникса или, вместо него, тысячу фунтов золота, чтобы отпустить их по-императорски. (7) Он устраивал бассейны для плавания с морской водой, притом далеко от моря, опорожнял их в то время, как некоторые его друзья плавали в них, и снова наполнял водой с рыбами. (8) В своем дворце, в саду он устроил летом снежную гору, привезя снег издалека. У моря он никогда не ел рыбы, а в местностях, очень удаленных от моря, у него всегда подавались всевозможные произведения моря; простых крестьян в таких местностях, далеких от моря, он угощал молоками мурен и морских окуней.

XXIV. (1) Рыб он всегда ел сваренных с приправой подходящего для них голубого цвета, словно в морской воде. В одно мгновение он наполнял водоемы вином, приправленным розами и цветами роз, и мылся со всеми своими приближенными, устраивая в то же время горячие ванны из нарда. В светильники у него наливали бальзам. (2) Он никогда не сходил с женщинами по два раза, за исключением своей жены. В своем доме он устроил лупанары для своих друзей, клиентов и рабов. (3) Его обеды никогда не стоили меньше ста тысяч сестерциев, то есть тридцати фунтов серебра; иногда стоимость обеда, если подсчитать все, что было израсходовано, доходила до трех миллионов сестерциев. (4) Своими обедами он превзошел обеды Вителлия и Апиция. Рыбу из его садков вытаскивали с помощью быков. Проходя по съестному рынку, он плакал о нищете народа. (5) Своих прихлебателей он привязывал к водяному колесу и путем вращения то погружал их в воду, то вновь поднимал наверх, называя их своими иксионоподобными друзьями. (6) Он вымостил лакедемонским и порфировым камнями дворы в Палатинском дворце и назвал их антониновскими. Эти камни оставались до нашего времени, но недавно их вырыли и раскололи. (7) Он решил поставить огромную колонну, внутри которой можно было бы подниматься по лестнице, и на вершине ее поставить бога Гелиогабала, но не мог найти такого огромного камня во всей Фиваиде, откуда он думал вывезти его.

XXV. (1) Часто он запирали своих пьяных друзей и ночью внезапно впускал к ним прирученных львов, леопардов, медведей, так что, пробудившись на рассвете или, что было еще страшнее, ночью, они находили в той же комнате львов, медведей, леопардов; многие от этого испускали дух. (2) Многим друзьям попроще он постилал вместо полукруглых лож, надутые мехи и во время завтрака выпускал из них воздух, так что не раз завтракавшие вдруг оказывались под столами. (3) Наконец, он первый придумал постирать сигмы не на скамейках, а на земле — для того, чтобы рабы могли потом развязывать мехи у ног пирующих и выпускать воздух. (4) В мимах он приказывал по-настоящему исполнять развратные действия, на которые обычно делаются только намеки. (5) Он часто выкупал блудниц у всяких сводников и отпускал их на свободу. (6) Когда в частной беседе зашла речь о том, сколько может быть в Риме людей, страдающих грыжей, он велел всех их переписать и привести к себе в бани и мылся с ними, — а среди них были и люди уважаемые. (7) Перед пиром он часто заставлял гладиаторов и кулачных бойцов сражаться на его глазах. (8) Он устраивал свою столовую на самом высоком месте амфитеатра и, когда он завтракал, для него выпускали на арену преступников, которые охотились на диких зверей. (9) Перед своими прихлебателями, находившимися за вторым столом, он приказывал ставить подобия кушаний, сделанные — то из воска, то из слоновой кости, иногда — глиняные, кое-когда — из мрамора или булыжника, так что им давалась возможность видеть воспроизведен-

ные с помощью разного материала такие блюда, из каких состоял его обед; при перемене блюд они только пили и мыли руки, словно они в самом деле поели.

XXVI. (1) Говорят, он первый из римлян стал носить одежду из чистого шелка, — в то время уже употреблялись полупелковые. Он никогда не носил стиранное белье и называл тех нищими, кто пользовался стиранными полотнами. (2) После обеда он часто появлялся перед всеми в далматике, называя себя Гургитом, Фабием и Сципионом, так как в таком одеянии были выведены к народу родителями Фабий и Корнелий в дни своей юности, для исправления их нравов. (3) Из цирка, из театра, из стадиона, из бань он собрал в общественное здание всех блудниц и, словно на солдатской сходке, произнес перед ними речь, называя их соратниками; он рассуждал о разного рода положениях тела и наслаждениях. (4) Потом он созвал на такую же сходку собранных отовсюду сводников, продажных мужчин и самых развращенных мальчиков и молодых людей. (5) К блудницам он вышел в женском уборе, выставив вперед соски груди, а к продажным мужчинам — в одежде мальчиков, занимающихся проституцией; после речи он объявил им, словно это были воины, о денежном подарке по три золотых и просил их молить богов о том, чтобы у него были и другие воины, достойные их похвалы. (6) Одна из его шуток с рабами состояла в том, что он, обещая награду, приказывал принести себе по тысяче фунтов паутины и, говорят, собрал десять тысяч фунтов; при этом он говорил, что уже по этому одному можно заключить, как велик Рим. (7) Он посылал своим прихлебателям в качестве содержания, вместо продовольственных запасов, сосуды, наполненные лягушками, скорпионами, змеями и тому подобными гадами. (8) В любого рода сосуды он помещал и бесчисленное количество мух, называя их прирученными пчелами.

XXVII. (1) Он всегда держал наготове в столовых и портиках во время завтрака и обеда четырехупряжные цирковые колесницы и заставлял управлять ими своих гостей-стариков, среди которых были и люди, занимавшие высокие должности. (2) Уже будучи императором, он приказывал доставить себе десять тысяч мышей, тысячу хорьков, тысячу крыс. (3) У него были такие мастера сладких и молочных изделий, которые умели с помощью сладостей или молочных продуктов воспроизводить все то, что повара, распорядители и люди, готовившие блюда из овощей, делали из разнообразных видов съестного. (4) Своих прихлебателей он угощал обедами из стекла, а иногда посылал им на стол столько украшенных вышивками скатертей с изображениями всех подававшихся на стол видов съестного, сколько бы у него ни было перемен блюд, причем все это было либо вышито иглой, либо выткано в виде рисунков. (5) Иногда перед ними ставились картины, так что им как будто подавалось все, а на самом деле они испытывали муки голода. (6) Он соединял с фруктами и цветами драгоценные камни. Он выбрасывал через окно столько же блюд, сколько их подавалось его друзьям. (7) Благодаря предусмотрительности Севера и Бассиана в Риме имелся запас хлеба на семь лет; Гелиогабал приказал раздать годичный запас хлеба, принадлежащий римскому народу, блудницам, сводникам и продажным мужчинам, жившим в стенах города, пообещав другую такую же выдачу тем, которые жили за городом.

XXVIII. (1) Он запрягал в колесницу четырех огромных собак и так разъезжал по дворцу; то же он проделывал в своих имениях, когда был частным человеком. (2) На виду у всех он выезжал также на четырех запряженных огромных оленях. Запрягал он в свою колесницу и львов, называя себя Великой Матерью; запрягал и тигров, принимая имя Либера, — в этих случаях он надевал такую одежду, в какой изображаются боги, которым он подражал. (3) Он имел в Риме маленьких египетских змей, которых египтяне называют агатодемонами. Были у него также гиппопотамы, крокодил, носорог и все другие египетские животные, природа которых позволяет держать их. (4) Не раз у него за обедом подавались страусы; он говорил, что закон предписывает иудеям есть их. (5) Кажется удивительным то, что о нем рассказывают, будто он устилал сигму шафраном, когда приглашал к себе на завтрак самых высокопоставленных лиц, говоря, что он употребляет такое сено, какое соответствует их достоинству. (6) Обычными дневными делами он занимался по ночам, а ночными — днем, считая и это условием роскошной жизни; таким образом, он просыпался и начи-

нал принимать приветствия поздно вечером, а ложился спать утром. Своим друзьям он каждый день что-нибудь дарил и редко оставлял кого-либо без подарка; исключение составляли честные люди, которых он считал пропащими.

XXIX. (1) У него были украшенные драгоценными камнями и выложенные золотом повозки; выложенные же серебром, слоновой костью и медью он презирал. (2) Он запрягал в повозку самых красивых женщин — по четыре, по две, по три и более — и разъезжал таким образом; обычно он и сам бывал обнажен, и везли его обнаженные жещины. (3) Было у него и такое обыкновение: приглашать к себе на обед восемь лысых, восемь одноглазых, восемь подагриков, восемь глухих, восемь черных, восемь длинных, также восемь толстяков, которые не могли уместиться на одной сигме, — чтобы вызвать смех у всех присутствующих. (4) Он дарил своим сотрапезникам все серебро, бывшее на пиру, и весь набор бокалов, и делал это очень часто. (5) Первый из римских правителей он стал угощать на парадных пирах жидким рыбным соусом; прежде это было угощение для военных, которое впоследствии Александр немедленно восстановил. (6) Своим сотрапезникам Гелиогабал задавал — в виде тем для разработки — придумывать новые приправы к кушаньям; чье изобретение нравилось, тому он давал наибольшую награду: он дарил шелковую одежду, которая была тогда редкостью и потому высоко ценилась, (7) а тому, чье изобретение было ему не по вкусу, он приказывал все время есть это кушанье самому, пока он не придумает чего-либо лучшего. (8) Он всегда сидел либо среди цветов, либо среди дорогих благовоний. (9) Он любил, когда перед ним преувеличивали цену того, что готовилось для стола, и уверял, что это усиливает аппетит во время пира.

XXX. (1) Он приказывал рисовать себя то в виде торговца деликатесами, то в виде продавца благовоний, то — трактирщика, то — лавочника, то — садовника, и у себя во дворце всегда выполнял такие обязанности. (2) Однажды у него за обедом было подано — на многих столах — шестьсот голов страусов, чтобы съесть из них мозги. (3) Он устроил и такое пиршество, во время которого было подано двадцать два блюда, каждое в огромном количестве, причем после каждого блюда мылись и пользовались женщинами — как сам он, так и его друзья, давая клятву в том, что испытывают наслаждение. (4) Справил он и такое пиршество, для которого каждая перемена кушаний была приготовлена отдельно у разных его друзей, и так как один жил на Капитолии, другой — на Палатине, третий — над валом, четвертый — на Целии, пятый — за Тибром, то где бы всякий из них ни жил, — отдельные блюда съедались по порядку в доме каждого из них, и пирующие ходили из дома в дом. (5) Таким образом, одно пиршество с трудом уместалось в пределах одного дня: ведь после каждого блюда они мылись и пользовались женщинами. (6) Он всегда заказывал сибаритское блюдо из масла и рыбного соуса; в тот год, когда сибариты придумали это кушанье, они погибли. (7) Говорят, что он выстроил бани во многих местах; помывшись в них один раз, он тотчас же приказывал разрушить их, чтобы не иметь бань, бывших уже в употреблении. То же, говорят, он делал и с домами, загородными дворцами, отдельными апартаментами. (8) Но я думаю, что и это, и кое-что другое, выходящее за пределы вероятного, придумано теми, кто хотел извратить поступки Гелиогабала в угоду Александру.

XXXI. (1) Говорят, он выкупил пользовавшуюся большой известностью красавицу-блудницу за сто тысяч сестерциев и оберегал ее как девственницу, не позволяя прикасаться к ней. (2) Когда он был еще частным человеком, кто-то спросил его: «Не боишься-ли ты обеднеть?» Он, говорят, ответил: «Что может быть лучше, чем быть наследником самому себе и своей жене?» (3) Он имел большие средства, которые многие оставляли ему по завещанию в память его отца. Он говорил, что не хочет иметь детей, так как среди них кто-нибудь может оказаться честным человеком. (4) Он приказывал жечь для согревания своих апартаментов индийские благовония без угольев. В бытность свою еще частным человеком он всегда брал с собой во время путешествий не меньше шестидесяти повозок, причем бабка его Вария кричала, что он растеряет все свое состояние. (5) Став императором, он, говорят, возил за собой даже шестьсот повозок, утверждая, что персидский царь совершает путешествие с десятью тысячами

верблюдов, а Нерон отправлялся в путь, имея с собой пятьсот парадных колесниц. (6) Причиной такого множества повозок было огромное количество сводников, сводниц, блудниц, продажных мужчин, а также его любовников с большими половыми органами. (7) В банях он был всегда с женщинами, причем сам натирал их мазью для удаления волос и сам же намазывал себе такой мазью бороду, при этом — стыдно даже говорить — той же самой, которой натирались женщины, и одновременно с ними. Он собственноручно брил лобки своим любовникам и той же бритвой пользовался потом для своей бороды. (8) Он посыпал золотым и серебряным порошком портик, жалея, что не может употребить таким же образом и янтарь. И это он делал часто, когда приходил пешком к своему коню или к крытой повозке, как это делается теперь с золотым песком.

XXXII. (1) Он никогда не надевал два раза одну и ту же обувь; говорят, он не надевал по два раза даже кольца; драгоценные одежды он часто рвал. Он поймал кита, взвесил его и подал друзьям столько рыбы, сколько весил кит. (2) Грузные суда он топил в гавани, называя это проявлением величия духа. Он испражнялся в золотые сосуды, а мочился в мурриновые и ониксовые. (3) Он же, как передают, сказал: «Если у меня будет наследник, то я дам ему опекуна, который заставит его делать то, что делал и буду делать я». (4) Имел он также обыкновение устраивать себе такие обеды: один день он ел кушанья только из фазанов и все блюда приказывал делать только из фазаньего мяса, точно так же в другой день — из цыплят, в третий — то из одной рыбы, то из другой, в четвертый — из поросят, в пятый — из страусов, в шестой — из овощей, в седьмой — из фруктов, в восьмой — из сладостей, в девятый — из молочных продуктов. (5) Часто он запирали своих друзей в спальнях покоях вместе с эфиопскими старухами и держал их там до рассвета, говоря, что им предоставлены писанные красавицы. (6) То же он проделывал с мальчиками: тогда, именно — до Филиппа, это считалось позволительным. (7) Иногда он смеялся так, что в театре среди публики было слышно его одного. (8) Сам он пел, танцевал, читал под звуки флейты, играл на трубе, упражнялся на пандуре, умел играть на органе. (9) Однажды он, говорят, набросив на себя, чтобы не быть узнаваемым, накидку с капюшоном, какую носят погонщики мулов, обошел всех блудниц цирка, театра, амфитеатра и всех других мест Рима; не тронув их, он одарил их всех золотыми монетами, добавляя: «Пусть никто не знает, это дает вам Антонин».

XXXIII. (1) Он придумал некоторые новые виды разврата, так что превзошел любимцев прежних императоров и хорошо знал ухищрения Тиберия, Калигулы и Нерона. (2) Сирийские жрецы предсказали ему, что он умрет насильственной смертью. (3) Поэтому он заранее приготовил веревки, свитые из шелка и багряного и алого материала, чтобы — в случае необходимости — окончить жизнь, удавившись в петле. (4) Заготовил он и золотые мечи, чтобы ими заколоть себя, если какая-либо сила принудит его к этому. (5) В кошачьих глазах, гиацинтах и изумрудах он заготовил себе яды, чтобы отравиться, если ему будет угрожать какая-нибудь серьезная опасность. (6) Выстроил он и очень высокую башню и поместил внизу, перед собой золотые, украшенные драгоценными камнями плиты, чтобы броситься вниз; он говорил, что и смерть его должна быть драгоценной и роскошно обставленной: пусть говорят, что никто не погиб так, как он. Но все это оказалось ни к чему: (7) как мы сказали, он был убит щитосцами, и труп его позорным образом волокли по улицам, тащили по клоакам и спустили в Тибр. (8) Таков был конец имени Антонинов в государстве, причем все знали, что это был ложный Антонин как по своей жизни, так и по имени.

XXXIV. (1) Может быть, высокочтимый Константин, кому-нибудь покажется удивительным, что такой негодяй, жизнь которого я описал, занимал место государя, и притом в течение трех лет, и не нашлось никого, кто убрал бы его от кормила великого Римского государства, тогда как для Нерона, Вителлия, Калигулы и других подобного рода правителей всегда находился тираноубийца. (2) Но прежде всего я сам прошу извинения за то, что я передал сообщения, найденные мною у различных писателей, хотя о многих позорных подробностях, о которых нельзя даже говорить без величай-

шего стыда, я умолчал; (3) но и то, что я сохранил, я прикрыл, насколько это было для меня возможным, покровом пристойных выражений. (4) А затем я поверил тому, что имеет обыкновение говорить твоя милость: всегда следует помнить, что быть императором — это зависит от судьбы. (5) Ведь были и менее хорошие императоры, были и совсем дурные. Следует думать о том, о чем имеет обыкновение говорить твое благочестие, — чтобы те, кого сила рока неизбежным образом призвала к управлению, были достойны императорской власти. (6) Ввиду того, что он был последним из Антонинов и впоследствии это имя не встречалось в государстве у императоров, — для избежания какой-нибудь ошибки, когда я начну рассказывать о двух Гордианах, отце и сыне, которые хотели называться членами рода Антонинов, надо добавить следующее: у них это было не главным именем, а предъименем, (7) затем, как я нахожу в большей части книг, они назывались Антониями, а не Антонинами.

XXXV. (1) Вот сведения о Гелиогабале, жизнеописание которого я составил по греческим и латинским источникам неохотно и с чувством отвращения; ты пожелал, чтобы оно было написано и поднесено тебе, так как уже до этого мы принесли жизнеописания других императоров. (2) Теперь я начну писать о тех, которые пойдут за ним. Из них лучшим следует назвать, и притом подчеркивая это, Александра, который был государем тринадцать лет. Другие были государями по полгода, по одному или по два года. Выдающимся правителем был Аврелиан, а красой всех — тот, от которого идет твой род, — Клавдий. (3) О последнем я боюсь рассказывать твоей милости истину, — как бы зложелателям не показалось, что я льстец; но я выполняю свою задачу, несмотря на зависть бесчестных людей: они увидят, что и другие писатели прославляют его. (4) К этим императорам следует присоединить Диоклетиана, отца золотого века, Максимиана, отца — как его обычно называют, — железного века, и других — вплоть до твоего благочестия. (5) О тебе же, высокочтимый Август, будут говорить на многих страницах и притом более красноречиво — те, кому позволят это их более счастливые природные дарования. (6) Далее, к ним следует добавить Лициния, Севера, Александра и Максенция; права всех их на власть перешли к тебе, но доблесть их вследствие этого отнюдь не умалилась. (7) Я не буду поступать так, как делает большинство писателей, не буду унижать побежденных, так как понимаю, что твоя слава возрастет от того, что я правдиво расскажу об их достоинствах.

